

ХОРОВОЕ и Регентское Дѣло.

Рукописи, присылаемые въ Редакцію, должны быть подписаны авторомъ, съ указаніемъ точнаго адреса. Рукописи безъ обозначенія размѣра гонорара счит. безплатн. На отвѣтъ и обратную пересылку рукописей просятъ прил. почт. марки.

Подписная цѣна на 1917 г.

3 руб. 25 коп.

Разсрочка не допускается. За перемѣну адреса 25 коп.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Екатерининскій кан. 52, кв. 58.

Отъ Редакціи.

Привѣтъ Вамъ, товарищи — учителя пѣнія, регента и пѣвцы.

Съ рожденіемъ свободной Россіи родилась свобода и для Васъ.

Теперь въ Вашихъ рукахъ устроение Вашей профессиональной жизни и Вашего служенія церкви, искусству и школь.

Множество прежнихъ терній и препятствій на пути Вашего великаго служенія должны теперь исчезнуть сами собой, и Вамъ легче будетъ достигнуть желанной цѣли.

Въ новыхъ условіяхъ жизни не другіе будутъ и отвѣтственны за Ваше дѣло, а Вамъ самимъ принадлежить и честь, и сила, и отвѣтственность.

Въ новыхъ условіяхъ лучшими путями для достиженія Вашей цѣли будетъ цѣлесообразное объединеніе Ваше въ единую могучую Всероссийскую организацію, отдѣльныя ячейки которой должны быть разсѣяны по всѣмъ городамъ и селамъ великой Руси.

Дѣло это не ждетъ; требуетъ немедленнаго осуществленія. Мысль о единой организаціи должна проникнуть всюду, ее надо распространять, къ ней призывать, для нея много работать, — и только тогда Вы не затеряетесь среди обильнаго роста различныхъ кружковъ, организацій, союзовъ и обществъ другихъ профессиональныхъ дѣятелей.

Итакъ, товарищи, объединяйтесь: только въ единеніи Вашемъ — Ваша сила!

О дѣятельности А. Θ. Львова.

По матеріаламъ прот. Д. В. Разумовскаго.

Еще въ началѣ XIX в. одинъ изъ русскихъ писателей по церковному пѣнію сказалъ, что „о церковномъ нашемъ пѣніи мало что у насъ писано было“. Съ неменьшимъ правомъ и теперь мы можемъ утверждать тоже самое. Поразительная бѣдность нашей литературы сказывается, между прочимъ, въ отсутствіи сколько-нибудь исчерпывающихъ біографій лучшихъ, выдающихся дѣятелей въ области церковнаго пѣнія, даже за весьма отдаленные періоды его существованія. Нѣтъ хорошихъ біографій ни Бортнянскаго, о которомъ мы очень мало знаемъ, ни Турчанинова,—несмотря на оставленную автобіографію, ни Львова, хотя и онъ написалъ автобіографическія замѣтки. Причина, очевидно, не въ отсутствіи матеріаловъ. Въ существующихъ жизнеописаніяхъ нашихъ дѣятелей досадно бросается въ глаза пережевываніе все однихъ и тѣхъ же старинныхъ свѣдѣній, какъ-будто ничего новаго и найти нельзя для освѣщенія жизни и дѣятельности этихъ, такъ недавно жившихъ и работавшихъ на поприщѣ церковнаго пѣнія, лучшихъ людей.

Напримѣръ, личность А. Θ. Львова, Онъ былъ директоромъ Придворной Пѣвческой Капеллы съ 1837 по 1861 г., и ему наше церковное пѣніе обязано очень многимъ, за что говорятъ его многочисленныя изданія и композиціи, и о чемъ еще понынѣ хранятъ память многіе изъ нашихъ старыхъ регентовъ и хоровыхъ дѣятелей. Извѣстно, насколько вліятельна была эта личность; извѣстно, что лучшіе годы своей жизни А. Θ. отдалъ напряженной дѣятельности въ цѣляхъ улучшенія русскаго церковнаго пѣнія; и потому, казалось бы, знакомство съ его дѣломъ должно быть у каждого интересующагося судьбами русскаго церковно-музыкальнаго искусства. И что-же? Напрасно мы стали бы искать хотя бы одинъ трудъ, посвященный нераздѣльно А. Θ. Львову: такихъ нѣтъ. Въ общихъ курсахъ исторіи русскаго церковнаго пѣнія прот. Разумовскаго и др. свѣдѣнія весьма и весьма ограничены и скудны; у Разумовскаго—потому, что его трудъ вышелъ еще при жизни А. Θ. Львова—въ 1867 г., а у другихъ просто потому, что они и не искали новыхъ данныхъ. Прошло 46 лѣтъ со дня смерти А. Θ. Львова и хотѣлось бы ко дню близкаго пятидесятилѣтняго юбилея его получить вполне удовлетворительную подробную его біографію. Однако, признаковъ оживленія нашей литературы въ отношеніи къ А. Θ. никакихъ не замѣтно: и пусто, и темно... Нѣтъ даже никакихъ мелкихъ сообщеній о бывшей „Львовской“ порѣ, не появляются

въ печати ни воспоминанія, ни записки, ни даже—какіе-либо сырые матеріалы для подобныхъ работъ.

Желая хотя въ самой малой степени смягчить это вопіющее равнодушіе къ былымъ работникамъ на нивѣ церковно-пѣвческой, я рѣшаюсь привести на страницахъ настоящаго журнала часть біографіи А. Ѳ. Львова, составленной нашимъ первымъ и лучшимъ историкомъ церковнаго пѣнія—прот. Д. В. Разумовскимъ. (ум. 1889 г.).

Прот. Д. В. Разумовскій, сколько я могу судить по осмотру оставшихся послѣ него бумагъ, готовилъ цѣлый рядъ подробныхъ біографій нашихъ церковно-пѣвческихъ дѣятелей. Такъ, мы находимъ у него либо полныя біографіи, либо только наброски, или только матеріалы для жизнеописанія цѣлаго ряда лицъ: Березовскаго, Бортнянскаго, Веделя, Ломакина и др. Прот. Д. В. Разумовскій, конечно, нуждался въ подобныхъ работахъ для своего курса лекцій въ Московской Консерваторіи, но возможно, что у него была мысль и объ изданіи полныхъ біографій всѣхъ выдающихся дѣятелей по церковному пѣнію. Онъ—по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ—не довелъ этого дѣла до конца, но, напримѣръ, по отношенію къ А. Ѳ. Львову онъ въ свое время сдѣлалъ такъ много, что послѣ нѣтъ рѣшительно ни одной статьи объ А. Ѳ. Львовѣ, которая могла бы равняться по полнотѣ свѣдѣній съ матеріалами прот. Разумовскаго. Они, положительно, будутъ новы для нашей литературы, несмотря на то, что авторъ ихъ умеръ 28 лѣтъ тому назадъ. И поэтому, прежде, чѣмъ опубликовывать какія-либо другія данныя,—мнѣ кажется,—слѣдовало бы напечатать то, что сказалъ объ А. Ѳ. Львовѣ нашъ первый профессоръ исторіи русскаго церковнаго пѣнія. Въ бумагахъ прот. Разумовскаго имѣется двѣ редакціи этой біографіи; мы извлекаемъ изъ нихъ только ту часть, которая является наиболѣе обработанной и связно изложенной, и приводимъ съ сохраненіемъ цѣликомъ стили и слога прот. Разумовскаго, за самыми ничтожными исключеніями. Всѣ его бумаги, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, хранятся въ Библіотекѣ Московскаго Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія (въ общаго каталога, подъ № 4).

А. Преображенскій.

Продолжительная дѣятельность Алексѣя Ѳедоровича въ званіи директора Капеллы была крайне разнообразна. Безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ, она сосредоточивалась на исполнительній части придворнаго хора. Эта часть доведена имъ до высшей степени совершенства сколько его собственными усиліями, столько-же стараніями его помощниковъ, знаменитыхъ уже нынѣ въ церковной музыкѣ. Стоитъ вспомнить, что А. Ѳ. имѣлъ у себя помощниками по обученію

придворного хора въ 30-хъ годахъ М. И. Глинку, а въ 40-хъ П. М. Воротникова.

А. Θ. обратилъ свое вниманіе на изданіе сочиненій знаменитаго Бортьянскаго, котораго всегда считалъ основателемъ этого замѣчательнаго учрежденія; исполнѣ цѣня геніальныя его произведенія, старался распространить ихъ за границей, и для того всѣ перепечаталъ съ переложеніемъ на фортепiano, и посылалъ ихъ за границу всѣмъ извѣстнымъ артистамъ.

Несравненно большую услугу оказалъ А. Θ. предпринявъ и окончивъ собраніе всѣхъ нашихъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ и положивъ ихъ въ четырехголосную гармонію. Трудъ огромный, которымъ онъ занимался по волѣ Его Императорскаго Величества втеченіе одиннадцати лѣтъ. До того времени всѣ эти драгоценныя напѣвы въ хорномъ составѣ исполнялись безъ нотъ, по однимъ преданіямъ, и потому вездѣ разнообразно.

Послѣ кончины его отца, Федора Петровича Львова, въ исходѣ 1836 г. мѣсто директора придворной пѣвческой Капеллы осталось на нѣсколько времени празднымъ. Общественное мнѣніе уже предрѣшало вопросъ о томъ, на кого можетъ пасть избраніе для занятія открывшагоса мѣста. Предположенія эти склонялись то на сторону князя Григорія Волконскаго, то на сторону графа Матвѣя Юрьевича Виельгорскаго. М. И. Глинка, въ своихъ запискахъ сохранившій воспоминаніе объ этихъ предположеніяхъ, замѣтилъ объ этомъ: „вышло, однако-же, чрезъ нѣсколько дней, что директоромъ Капеллы назначенъ былъ А. Θ. Львовъ“ (Рус. Стар. т. II, стр. 266). А. Θ. было въ это время 38 лѣтъ; онъ былъ извѣстенъ тогда всѣмъ, какъ артистъ-музыкантъ и композиторъ нѣсколькихъ оперъ, доставившихъ ему славу даже въ средѣ заграничныхъ музыкантовъ. Отечественная слава о музыкальныхъ дарованіяхъ А. Θ. развилась и утвердилась преимущественно сочиненіемъ музыки для народнаго гимна. Этотъ трудъ совершенно былъ А. Θ. не болѣе, какъ за три года до назначенія на должность директора. Такимъ образомъ, назначеніемъ А. Θ. удовлетворялась главная забота — имѣть такого артиста во главѣ Капеллы, который бы пользовался заслуженной славой и имѣлъ въ самомъ себѣ достаточно силы и значенія для своихъ подчиненныхъ.

Правда, наше богослужбное пѣніе имѣетъ мало общаго съ характеромъ новѣйшей западной музыки; правда и то, что А. Θ. до поступленія своего на мѣсто директора Капеллы не написалъ ничего для пѣнія въ храмѣ. Но онъ въ этомъ отношеніи имѣлъ за себя нѣсколько благопріятствующихъ ему обстоятельствъ, ручавшихся за его будущую полезную дѣятельность при Капеллѣ. Онъ находился при родителѣ,

бывшемъ директорѣ Капеллы, и — слѣдовательно — легко и коротко могъ знать всю систему управленія Капеллы, всѣ достоинства и недостатки ея. А. Θ., подобно многимъ петербургскимъ артистамъ и любителямъ, при жизни родителя своего постоянно посѣщалъ генеральныя спѣвки Капеллы, которыя тогда обыкновенно происходили въ Капеллѣ по субботамъ въ полдень. На этихъ спѣвкахъ присутствовали также графъ М. Ю. Виельгорскій, П. И. Турчаниновъ, Н. М. Потуловъ и др. Не должно упускать изъ виду и то особенно важное обстоятельство, что въ то время чрезвычайно опасались итальянскихъ композицій для храма и итальянскаго исполненія при богослуженіи. Назначеніемъ А. Θ. на должность директора Капеллы совершенно устранялись эти опасенія. Онъ принадлежалъ къ средѣ нашихъ музыкантовъ, которые вмѣстѣ съ Θ. П. Львовымъ питали глубокое уваженіе къ древнему пѣнію православной церкви. „Съ самаго дѣтства своего занимаюсь музыкой по врожденной склонности къ этому искусству, я всегда питалъ особенное сочувствіе къ древнимъ напѣвамъ православной церкви“ — слова А. Θ. въ книгѣ о несимметричномъ ритмѣ. И въ самомъ дѣлѣ, мысли Θ. П. Львова о нашемъ древнемъ церковномъ пѣніи плодотворно развились въ А. Θ.

Вся дѣятельность А. Θ. въ званіи директора придворной пѣвческой Капеллы продолжалась полныя 25 лѣтъ (1837—1861 г.). По главнымъ отличительнымъ чертамъ этой дѣятельности все служеніе А. Θ. при Капеллѣ представляется въ трехъ, довольно несходныхъ между собою, отдѣлахъ. Въ первый періодъ своей дѣятельности А. Θ. ревностно занимается Капеллой и приведеніемъ своихъ мыслей о церковномъ пѣніи въ исполненіе (1836—1848); во второй періодъ А. Θ. выдерживаетъ съ твердостью общественное мнѣніе о всей своей дѣятельности и продолжаетъ разныя изданія (1849—1853); въ третій (1853—1861) А. Θ., какъ бы утомленный своей дѣятельностью и борьбою съ общественнымъ мнѣніемъ, не оставляя своей энергіи, дѣйствуетъ спокойно въ предѣлахъ предоставленной ему власти, повторяетъ прежнія изданія, оканчиваетъ труды предпринятыя и за новые берется развѣ только по особеннымъ просьбамъ.

I.

Мѣры, которыя А. Θ. думалъ принять къ осуществленію своей задачи, приведены были въ исполненіе въ первый періодъ его дѣятельнаго управленія Капеллой.

Прежде всего онъ думалъ дѣйствовать на всѣ хоры пѣвчихъ путемъ развитія музыкальнаго образованія. Немедленно по принятіи Капеллы въ свое вѣдѣніе, А. Θ. вмѣстѣ съ М. И. Глинкой сдѣлалъ родъ генеральнаго смотра

или экзамена всѣмъ пѣвчимъ придворной Капеллы. Эту Капеллу А. Θ. зналъ очень хорошо еще въ управленіе ею покойнаго его родителя. Каждую субботу въ полдень, когда залы Капеллы были открыты для всѣхъ любителей церковнаго пѣнія, А. Θ. въ числѣ многихъ другихъ (Турчанинова, Вильгорскаго, Потулова и пр.), присутствовалъ при спѣвкахъ этого великолѣпнаго хора подъ управленіемъ Палагина. Какъ музыкантъ, онъ легко могъ замѣтить выработку голосовъ и самое искусство въ исполненіи. Несмотря на это, онъ вмѣстѣ съ Глинкой рѣшилъ также удостовѣриться въ точности своихъ артистическихъ наблюденій, и вмѣстѣ съ Глинкой сдѣлалъ имъ экзаменъ (см. Зап. Глинки, Руск. Стар. 1870, т. 2. стр. 268). Частное испытаніе дало возможность усмотрѣть нѣсколько недостатковъ въ голосовыхъ средствахъ и въ теоретическихъ музыкальныхъ свѣдѣніяхъ, которыми безъ сомнѣнія долженъ бы обладать каждый придворный пѣвчій. Только по усиленному настоянію Глинки А. Θ. рѣшилъ отказаться отъ своихъ рѣшительныхъ мѣръ и предоставилъ Глинкѣ заниматься теоріей съ придворными пѣвчими. А. Θ. посѣщалъ постоянно урочные часы Глинки, а иногда даже приходилъ и ранѣе его въ музыкальный классъ. Это обстоятельство можетъ уже дать совершенное понятіе объ энергіи А. Θ. при первомъ занятіи должности директора Капеллы.

Первый отдѣлъ служебной дѣятельности А. Θ. при Капеллѣ обнимаетъ собою не болѣе десятилѣтія. Все это время (разумѣется за исключеніемъ путешествій за границу) А. Θ. посвящаетъ единственно Капеллѣ и среди своихъ служебныхъ многочисленныхъ занятій дѣятельно готовить свои предначертанія, исполненіе которыхъ прославило его болѣе всѣхъ его предшественниковъ-директоровъ.

Но М. И. Глинка, занятый своими великими музыкальными произведеніями, недолго оставался при Капеллѣ. По выходѣ его изъ Капеллы А. Θ. одинъ, при содѣйствіи учителей пѣнія (Палагина, Воротникова и Ломакина) довелъ, наконецъ, исполнительную часть придворнаго хора до высшей степени совершенства.

Въ началѣ же своего управленія Капеллой А. Θ. продолжалъ печатать духовно-музыкальные сочиненія Бортнянскаго и Турчанинова. Въ этомъ случаѣ онъ является продолжателемъ трудовъ отца своего, который много времени занимался изданіемъ духовно-музыкальныхъ сочиненій нашихъ композиторовъ. Сочиненія Бортнянскаго были всѣ перепечатаны съ переложеніемъ на фортепіано и въ значительномъ количествѣ экземпляровъ разосланы за границу по всѣмъ извѣстнымъ артистамъ. А. Θ. желалъ этимъ уяснить ихъ взглядъ на наше церковное пѣніе и чрезъ это приобрести ихъ сочувствіе къ нему.

Вмѣстѣ съ исполненіемъ прямыхъ обязанностей по Капеллѣ и изданіямъ ея, А. Θ., какъ ревностный исполнитель возложенной на него обязанности директора, старался объять все церковное пѣніе во всей его полнотѣ и обширности, во всемъ его историческомъ и музыкальномъ развитіи, равно какъ въ самомъ исполненіи его. Онъ постоянно наблюдалъ надъ церковнымъ пѣніемъ, осматривалъ его, какъ артистъ-любитель, со всѣхъ возможныхъ сторонъ.

Сынъ наслѣдовалъ отъ отца ту-же самую задачу, которую наслѣдовалъ отецъ его отъ самого Бортнянскаго. Сынъ въ своей музыкальной дѣятельности счастливо соединилъ части задачи, разъединенныя его родителемъ, и — слѣдовательно — возстановилъ задачу въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ предположилъ, но не вполне рѣшилъ Бортнянскій. Она состояла въ томъ, чтобы для православной церкви создать гармоническое пѣніе на почвѣ древней богослужебной мелодіи и ввести его во всеобщее употребленіе всѣхъ пѣвческихъ хоровъ, какъ штатныхъ, такъ и не-штатныхъ. А. Θ. называлъ эту задачу *уравненіемъ* пѣнія. А. Θ. задался мыслью своего родителя объединить церковное пѣніе, и эта мысль проходитъ по всѣмъ степенямъ его энергичной дѣятельности.

А. Θ. замѣчалъ въ церковномъ пѣніи значительную и повсемѣстную разность. Она, какъ явленіе повсемѣстное, невольно обращала на себя вниманіе и, очевидно, не могла быть явленіемъ безпричиннымъ. Постоянныя наблюденія надъ исполненіемъ церковнаго пѣнія убѣдили А. Θ., что повсемѣстная разность въ мелодическомъ церковномъ пѣніи происходитъ, главн. обр., отъ различія церковныхъ распѣвовъ, изъ которыхъ одни внесены въ печатныя нотныя книги и потому болѣе извѣстны, а другіе еще никѣмъ не изложены на нотахъ, передаются устно, сохраняются въ разныхъ епархіяхъ и обителяхъ только однимъ пѣвческимъ преданіемъ, переходятъ отъ одного пѣвца къ другому только по наслышкѣ и, разумѣется, при этомъ также въ свою очередь разнообразно.

Не менѣе того разнообразіе въ мелодическомъ пѣніи, по замѣчанію А. Θ., зависѣло и отъ самаго способа въ исполненіи его. Всѣ церковныя напѣвы, существовавшіе на нотахъ, записаны были въ одну строчку. Между тѣмъ при исполненіи ихъ всегда слышалось гармоническое сопровожденіе, которое служило главнымъ источникомъ повсемѣстнаго разнообразія, потому что совершалось произвольно, и по большей части людьми въ правильной гармоніи несвѣдущими.

Гармоническое пѣніе при богослуженіи являлось столько же разнообразнымъ, какъ и мелодическое пѣніе, но, по замѣчанію А. Θ., имѣло свои особенныя причины для

своего разнообразія и зависѣло отъ разнообразія духовно-музыкальныхъ сочиненій и отъ исполнителей ихъ, или — пѣвческихъ хоровъ.

Духовно-музыкальныя сочиненія, современныя А. Θ., по замѣчанію его, во многомъ отступали отъ истиннаго характера въ церковномъ пѣніи и такимъ обр. необходимо вносили въ церковное пѣніе много разнообразія. „Многіе сочинители, писалъ онъ, перелагая древніе напѣвы, т. е. напѣвы безъ музыкальнаго такта и ритма, приводили ихъ въ тактъ и размѣръ, и тѣмъ, безъ сомнѣнія, содѣлывали его болѣе почтеннымъ въ отношеніи его собственно; но вмѣстѣ съ тѣмъ разрушали ту связь, которая существовала между словомъ и пѣніемъ, и для удовлетворенія принятыхъ правилъ принуждены были допускать иногда повтореніе словъ, иногда протяженіе ихъ и, что всего хуже, произношеніе словъ пѣвчими не въ одно время, отчего рѣчь такъ смѣшивается между голосами, что слушателю почти нѣтъ возможности разобрать, что поютъ.“ — Этотъ важный недостатокъ, по замѣчанію А. Θ., существуетъ въ большей части новѣйшихъ сочиненій. Пѣвецъ, увлеченный страстью къ своему искусству, рѣдко можетъ удержать пѣніе въ границахъ уступчивости противу слова, которое должно-бы оставаться неприкосновеннымъ, дозволяя себѣ дѣлать умѣстныя и неумѣстныя повторенія для удовлетворенія потребностей пѣнія, отчего часто теряется не только сила, но и смыслъ слова (Предисловіе къ перел. Октоиха). Какъ ни великъ этотъ недостатокъ въ духовно-музыкальныхъ сочиненіяхъ, онъ представлялся въ глазахъ А. Θ. полнымъ произволомъ, потому что подобныя духовно-музыкальныя сочиненія, вопреки закону 1816 года,* позволялись къ печатанію гражданскими цензорами (какъ на примѣръ истины словъ А. Θ. мы можемъ указать на вторую херувимскую пѣснь сочиненія А. Варламова) часто не имѣющими никакихъ свѣдѣній въ музыкѣ, и потому распространялись въ публикѣ.

Пѣвческіе хоры, безъ сомнѣнія, поступали противозаконно, когда въ угожденіе публикѣ и собственному вкусу рѣшались исполнять въ храмѣ духовно-музыкальныя сочиненія, одобренныя гражданскими цензорами и тѣмъ разнообразили пѣніе. Но они-же по замѣчанію А. Θ., много разнообразили и сочиненія, одобренныя Капеллой, тѣмъ именно, что во 1-хъ — переписывали ихъ съ измѣненіями и множествомъ ошибокъ не только въ нотахъ, но и въ самомъ текстѣ; и во 2-хъ тѣмъ, что при исполненіи нѣкото-

*) Указомъ Св. Синода предписывалось всѣ новѣйшія духовно-музыкальныя сочиненія издавать въ свѣтъ не иначе, какъ съ одобренія директора Придворной пѣвческой Капеллы; одобренныя-же къ печатанію употреблять не въ рукописныхъ тетрадяхъ, но въ печатныхъ экземплярахъ и притомъ съ разрѣшенія Св. Синода.

рыхъ сочиненій (съ указаніемъ на 2 голоса) полнымъ хоромъ произвольно разлагали прочіе голоса и при этомъ впадали въ грубыя ошибки, а иногда даже и отступленія отъ самыхъ напѣвовъ.

Все это разнообразіе въ церковномъ пѣніи, повсемѣстное, сильно поражало А. Θ., потому что онъ не могъ открыть въ немъ никакихъ правильныхъ законовъ опредѣленнаго порядка (ибо всякій пѣлъ что и какъ хотѣлъ), и особенно потому, что при этомъ разнообразіи нарушалось нерѣдко приличіе и достоинство православнаго богослуженія и постоянно оставались безъ исполненія законы, сопряженные съ интересами правъ придворной Капеллы.

На этихъ историческихъ данныхъ А. Θ. основалъ главную задачу, которую онъ самъ называлъ нерѣдко *уравненіемъ* церковнаго пѣнія, т. е. приведеніемъ его повсюду въ такое положеніе, при которомъ бы не только унисонное, но и хоровое исполненіе его по всѣмъ мѣстамъ Россіи было-бы однообразно, соотвѣтствовало вполнѣ характеру церковнаго пѣнія и не могло уклониться отъ главной цѣли его назидать съ пріятностью. Руководствомъ къ исполненію этой задачи служила мысль А. Θ. о совершеннѣйшемъ церковномъ пѣніи. „Совершеннѣйшее церковное пѣніе, говоритъ онъ, есть то, которое, не занимая слушателя собою и служа только проводникомъ молитвы къ сердцу молящагося, совершенно связано съ словомъ въ отношеніи выраженія, размѣра, ударенія и т. п.“ (См. Предисловіе къ Обиходу).

Объ уравненіи пѣнія заботился и Бортнянскій. Но онъ только приискивалъ средства. Къ этимъ средствамъ относилось то, что онъ сосредоточилъ власть пѣнія въ своемъ лицѣ. Онъ же старался гармоническое пѣніе поставить на почвѣ древней мелодической и съ этой цѣлью писалъ проектъ объ отпечатаніи безлинейныхъ нотныхъ книгъ. Въ проектѣ прямо говорится, что приведеніемъ его въ исполненіе достигнуто будетъ желаемое *единство* въ пѣніи. Но онъ не могъ достигнуть своей цѣли до конца своей жизни.

Для полнаго и удовлетворительнаго рѣшенія задачи А. Θ. собралъ въ Капеллѣ всѣ нотныя книги въ подлинникахъ или точныхъ копіяхъ, дабы такимъ образомъ познакомиться со всею областью богослужебнаго пѣнія. Но независимо отъ этого, существенно важнаго предмета, въ практикѣ находилось, какъ тогда увѣряли всѣхъ, множество распѣвовъ, сохранившихся въ разныхъ обителяхъ и церквахъ по одному преданію отъ глубокой древности. Всѣмъ этимъ распѣвамъ составленъ былъ списокъ; они изложены были на нотахъ въ самой мѣстности мѣстнымъ пѣвцомъ, или пѣвцами Капеллы по порученію директора ея. Такимъ образомъ не оставалось ничего неизвѣстнаго для А. Θ.; онъ

сразу знакомился со всей областью богослужебнаго пѣнія всей русской церкви.

А. Θ. давалъ обѣщаніе воспользоваться собраннымъ матеріаломъ въ его подлинномъ видѣ. Если существовали по мѣстамъ разности въ распѣвахъ, то онъ обѣщаль не приводить ихъ къ одному, но предоставить каждой мѣстности и каждому распѣву свое особое мѣсто. Задача, очевидно, становилась сложною и обширною; вмѣстѣ съ тѣмъ она становилась задачей трудною, потому что А. Θ. обѣщаль не вводить никакого музыкальнаго измѣненія въ коренномъ древнемъ или записанномъ по преданію распѣвѣ. При своихъ обширныхъ музыкальныхъ познаніяхъ А. Θ. думаль счастливо окснчить рѣшеніе задачи, преодолѣть затрудненія и, не смотря на всю сложность и обширность труда, при пособіи талантливыхъ сотрудниковъ счастливо окончить трудъ въ самое непродолжительное время.

Дѣятельными сотрудниками Львова были—учитель пѣнія придворной Капеллы П. М. Воротниковъ и управляющій Шереметевскимъ хоромъ пѣвчихъ (членъ—основатель Русскаго Музыкальнаго Общества) Г. А. Ломакинъ. Быстро они начали исполнять свое дѣло подъ руководствомъ самого Львова. Все новое гармоническое пѣніе устроялось по расчету всѣхъ штатныхъ хоровъ на четыре голоса. Верхній голосъ вель ту самую мелодію, какая изложена была въ печатныхъ или рукописныхъ нотныхъ книгахъ, собранныхъ Капеллой; прочіе голоса составляли приличное сопровожденіе, основанное на правилахъ современной итальянской тональности. Такъ получили свое начало гармоническія нотныя книги: обиходъ, октоихъ, ирмологій. Всѣ онѣ папечатаны съ одобренія директора Капеллы, руководившаго самою гармонизаціей.

Немедленно послѣ изданія всѣ гармоническія книги для сохраненія повсемѣстнаго единства въ гармоническомъ пѣніи начали быстро распространяться между хорами пѣвчихъ. Быстротѣ распространенія ихъ особенно способствовало то, что всѣ прежнія гармоническія изданія Капеллы изъяты были изъ употребленія пѣвческихъ хоровъ. Въ это именно время послѣдовало запрещеніе употреблять концерты при богослуженіи, и, слѣдовательно, изданія концертовъ Бортнянскаго утратили свою силу. Въ это время изъяты были изъ употребленія переложенія Воротникова, которыя были изданы литографически съ одобренія того-же директора Львова. Въ тоже время прекращено изданіе самага Круга церковнаго пѣнія, потому что Львовъ—сынъ призналъ его мало соотвѣтствующимъ главной цѣли—сохраненію единства въ пѣніи. Такими изыятіями совершенно очищено было поле для распространенія новыхъ гармоническихъ изданій Капеллы.

За распространеніемъ нотныхъ книгъ естественно слѣдовало исполненіе по нимъ. Так. обр. всѣ нотныя гармоническія

книги сдѣлались предметомъ, доступнымъ для слуха и, слѣдовательно, для оцѣнки, которая въ большинствѣ случаевъ основывалась единственно на законахъ одного слуха, привыкшаго къ церковной мелодіи. По этой оцѣнкѣ выходило, что въ новыхъ гармоническихъ изданіяхъ Капеллы хотя содержится церковная мелодія, но она значительно искажена сопровождающими голосами. Подобная мысль первоначально высказана была въ С.-Петербургѣ, но вскорѣ ее начали подтверждать донесенія изъ различныхъ епархій. Казалось-бы, что оцѣнка по слуху не могла быть принята во вниманіе, но она сопровождалась указаніемъ, что многіе или заставляли пѣвчихъ молчать, или сами выходили изъ храма. Это обстоятельство, весьма важное въ церковномъ благочиніи, получило особенную силу отъ того, что новыя гармоническія книги введены были въ употребленіе безъ разрѣшенія Св. Синода.

Сильно пораженъ былъ А. Θ. подобными сужденіями о своихъ трудахъ, потому что сознавалъ себя совершенно правымъ въ теоретически-музыкальномъ смыслѣ. Но, вдумываясь глубже въ свой предметъ, онъ пришелъ къ заключенію, что всѣ его труды, дѣйствительно, могутъ казаться несовершенными по двумъ главнымъ причинамъ: по причинѣ сохраненія музыкальнаго ритма и по несовершенству исполнителей. Всѣ эти мысли изложилъ онъ въ послѣдствіи письменно частью при новомъ изданіи гармоническаго Обихода, частью въ отдѣльной брошюрѣ о несимметричномъ ритмѣ.

Пока подобныя убѣжденія сознательно развивались въ мысли директора Капеллы, онъ поставленъ былъ въ необходимость отдать свои труды на разсмотрѣніе Св. Синода.

Въ 1849 г. составлено было четыре комитета изъ духовныхъ лицъ, знающихъ церковное пѣніе—С.-Петербургскій, Московскій, Кіевскій, Казанскій. Изъ всѣхъ комитетовъ самыя пространныя замѣчанія на новыя гармоническія нотныя книги сдѣланы московскимъ комитетомъ. А. Θ., какъ опытный руководитель въ составленіи нотныхъ гармоническихъ книгъ, не могъ себѣ объяснить сущность всѣхъ замѣчаній, потому что они опирались не столько на правила современной тональности, сколько на практическое знаніе церковной мелодіи и на печатныя нотныя книги, которыя въ то время почитались совершеннѣйшимъ образцомъ. Онъ написалъ свои возраженія на замѣчанія комитета и рѣшился лично объясниться по нимъ со своими московскими рецензентами.

Личныя объясненія съ московскими рецензентами переложеній Капеллы не привели ни къ какому положительному результату: обѣ стороны крѣпко отстаивали свои мысли. Директоръ утверждалъ, что его труды основаны на правилахъ гармоническаго искусства и совершенно согласны съ нимъ; напротивъ, рецензенты признавали гармонизацію несовершен-

ной, потому что гармоническое сопровождение мелодій не согласовалось съ унисоннымъ исполненіемъ той-же мелодіи. Обѣ стороны не были въ состояніи объяснить ни себѣ, ни другъ другу, въ чемъ именно заключается причина такой довольно ощутительной разницы, которая, очевидно, заключалась въ разности гаммъ, т. е. гаммы церковной и гаммы мажорной и минорной. Поэтому дѣло осталось безъ послѣдствій, и новыя нотныя гармоническія книги вошли въ всеобщее употребленіе.

А. Θ. Львовъ узналъ, что духовно—музыкальныя сочиненія, одобренныя Комитетомъ, также не могутъ избѣгнуть произвола въ пѣніи: а) потому, что переписываются съ измѣненіями и множествомъ ошибокъ не только въ нотахъ, но и въ самомъ текстѣ; б) потому, что, будучи положены только на два голоса (какъ напр. Кругъ простого церковнаго пѣнія), представляютъ большое затрудненіе въ полныхъ хорахъ, гдѣ регенты произвольно разлагаютъ прочіе голоса—всякій, какъ умѣетъ—и вводятъ не только грубыя ошибки въ гармоніи, но и отступленія въ самыхъ напѣвахъ. Этотъ недостатокъ А. Θ. замѣтилъ какъ въ хорахъ, состоящихъ изъ голосовъ однихъ взрослыхъ мужчинъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Такимъ образомъ, фактическое знакомство съ составомъ и характеромъ современнаго ему пѣнія въ храмахъ, убѣждало А. Θ., что въ большинствѣ случаевъ въ пѣніи царствуетъ увлекательный произволь, мало соотвѣтствующій истинной цѣли церковнаго пѣнія. А. Θ., привыкшій къ порядку военной службы и, можетъ быть, находившій въ немъ совершенство, рѣшился устроить порядокъ въ церковномъ пѣніи повсюду однообразный, военный. Но для этого прежде всего надлежало устранить все, препятствовавшее введенію однообразнаго порядка. Какія-же въ этомъ случаѣ были предначертанія А. Θ. ?

Въ предѣлахъ мелодическаго пѣнія А. Θ. предполагалъ: 1. записать мелодическіе напѣвы, незаписанные съ буквальной точностью, такъ, что если въ одномъ и томъ-же напѣвѣ встрѣчается по мѣстамъ разность, то не приводить ихъ къ одному, но предоставить каждой мѣстности свой напѣвъ. Этимъ дѣйствіемъ А. Θ. хотѣлъ сохранить *тѣлесное преданіе* во всей его полнотѣ и широтѣ, и вмѣстѣ оградить его отъ произвольно составляемыхъ преданій новыхъ. Очевидно, что этимъ вполне могъ быть ограниченъ произволь въ пѣніи по преданію, ибо медлительное пѣніе тогда опиралось бы на два вѣрные и точные источника: на печатныя нотныя книги, изданныя Св. Синодомъ, и на печатныя записи преданій, изданныя отъ Капеллы.

Но такъ какъ мелодическія нотныя книги не могутъ препятствовать разнообразію при исполненіи ихъ хорнымъ

составомъ, то А. Θ. предполагалъ далѣе украсить всѣ церковныя мелодіи простою приличною и правильною гармоніею въ четырехголосномъ составѣ такъ, впрочемъ, чтобы при этомъ сохранить безъ всякой перемѣны древніе наши напѣвы. Счевидно что этимъ дѣйствіемъ устранялся производъ пѣвцовъ и регентовъ, по большей части въ правильной гармоніи несвѣдущихъ, и полагалось прочное основаніе къ установленію желаемого единства въ пѣніи при богослуженіи. (См. предисловіе къ Обиходу).

Въ гармоническомъ пѣніи оказывалось необходимымъ дѣйствовать противъ произвола композиторовъ и ихъ исполнителей, пѣвческихъ хоровъ и даже только управителей (регентовъ) ихъ. Произволь композиторовъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, въ составленіи-ли композиціи, или даже въ напечатаніи ея подъ вѣдѣніемъ только гражданской цензуры, совершенно вполне ограничивался, какъ и думалъ А. Θ., указаніемъ на существованіе т. н. постановленія о духовно-музыкальныхъ произведеніяхъ, предназначаемыхъ для исполненія въ храмѣ.

Напротивъ, гораздо труднѣе было дѣйствовать на самихъ исполнителей духовно-музыкальныхъ произведеній. Но ограниченныя свѣдѣнія ихъ въ музыкѣ привели А. Θ. къ мысли дѣйствовать, хотя медленно, но вѣрно, — путемъ музыкальнаго образованія. Онъ предложилъ всѣмъ регентамъ давать музыкальное образованіе въ самой Капеллѣ и, развивъ въ нихъ правильное понятіе о церковномъ пѣніи и объ исполненіи его, отпустить ихъ къ должностямъ съ опредѣленными мыслями, которыя потомъ, разумѣется, могли развивать они болѣе или менѣе плодотворно, смотря по способностямъ не только ихъ личнымъ, но и тѣхъ хоровъ, среди которыхъ они будутъ дѣйствовать.

Но при всемъ томъ А. Θ. не скрывалъ отъ себя, что исполненіе всѣхъ его предположеній, по ихъ обширности, заключаетъ въ себѣ довольно затрудненій. Для облегченія ихъ А. Θ., полагаясь на всѣ музыкальныя силы ввѣренной ему Капеллы, признавалъ необходимость въ церковной и гражданской поддержкѣ. Ему посчастливилось получить ее.

1846-й годъ должно почитать самымъ счастливымъ въ жизни А. Θ., ибо во время его А. Θ. успѣлъ осуществить всѣ почти свои предначертанія объ уравниеніи церковнаго пѣнія путемъ законодательства, т. е. успѣлъ найти имъ поддержку въ церковной и гражданской власти.

Въ началѣ этого года (февраль 1846 г.) А. Θ. провелъ законодательнымъ путемъ свою мысль о научномъ образованіи исполнителей церковнаго пѣнія. Законъ призналъ эту мысль А. Θ. весьма полезною и установилъ: 1) всѣхъ регентовъ, управлявшихъ епархіальными и полковыми хорами, обучать въ Капеллѣ, и 2) большинство С.-Петербург-

скихъ хоровъ подчинить въ искусствѣнномъ отношеніи директору Капеллы.

Вскорѣ потомъ, спустя не болѣе мѣсяца (27 апрѣля 46 года), А. Θ. представилъ на Высочайшее усмотрѣніе свой трудъ — четырехголосный Кругъ церковнаго пѣнія (только первую часть; она заключала въ себѣ: Литургію св. Іоанна Златоуста и лѣвый ликъ на литургіи св. Василя Великаго, антифоны, тропари, кондаки, прокимны, задостойники, причастны, молебное, вѣнчальное, погребальное и панихидное пѣніе). Это было ни что иное, какъ кругъ церковнаго пѣнія, положенный на два голоса при покойномъ родителѣ, Θ. П. Львовѣ. А. Θ. замѣтилъ, что двухголосное положеніе круга вводило полные хоры въ большое затрудненіе, потому что регенты ихъ произвольно разлагали прочіе голоса, по степени своихъ музыкальныхъ познаній, и вводили не только грубыя ошибки въ гармоніи, но и отступленія отъ самыхъ напѣвовъ. Поэтому онъ, не отступая ни мало отъ напѣвовъ и въ вышеуказанномъ двухголосномъ кругѣ, положилъ его въ правильную гармонію на четыре голоса, дабы по нему могли пѣть хоры, составляемые или изъ однихъ мужчинъ, или изъ однихъ женщинъ и дѣтей, и — наконецъ — изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Поелику это положеніе могло указывать на плодотворность его предначертаній, то А. Θ. приложилъ къ нему все свое стараніе и рѣшился представить его не прежде, какъ повѣривъ его во всей точности съ Кругомъ и Обиходомъ и нашедши его въ гармоническомъ отношеніи вполне удовлетворительнымъ. Представивъ свой трудъ, А. Θ. ходатайствовалъ о дозволеніи сдѣлать его повсемѣстно извѣстнымъ и продавать за сходную цѣну. Это ходатайство чрезъ день послѣ того (29 апрѣля) получило Высочайшее одобреніе, и А. Θ. общался приступить къ окончанію этого четырехголоснаго пѣнія по собраніи достаточной суммы отъ продажи первой части. Высочайшее одобреніе оживило А. Θ. и дало надежду, что благополучно пройдутъ законодательнымъ путемъ и остальные его предначертанія.

Послѣ сего спустя опять мѣсяць, А. Θ. сообщилъ, что на все цѣлесообразное исполненіе гармоническаго пѣнія имѣютъ весьма вредное вліяніе два обстоятельства. Къ первому изъ нихъ относится то, что духовно-музыкальныя сочиненія пропускаются къ печатанію гражданскими цензорами, часто не имѣющими свѣдѣній въ музыкѣ, что эти сочиненія распространяются въ публикѣ и поются въ церквахъ. Другое обстоятельство, вредно вліяющее на гармоническое пѣніе, состояло въ томъ, что духовно-музыкальныя сочиненія, одобренныя къ пѣнію, переписываются съ измѣненіями, множествомъ ошибокъ не только въ нотахъ, но и въ самомъ текстѣ. Въ отвращеніе ихъ А. Θ. ходатайствовалъ о возоб-

новленіи Высочайшаго повелѣнія 1816 года, коимъ строжайше воспрещалось пѣніе по рукописнымъ нотнымъ тетрадямъ, и позволялось вновь печатать и пѣть только тѣ духовно-музыкальныя сочиненія, кои одобрены будутъ директоромъ придворной пѣвческой Капеллы.

О такомъ ходатайствѣ А. Ѳ. по Высочайшему повелѣнію сдѣлано было сношеніе съ Оберъ-Прокуроромъ св. Синода. Онъ находилъ весьма полезнымъ, чтобы всѣ новѣйшія духовно-музыкальныя произведенія издавались въ свѣтъ не иначе, какъ съ одобренія директора придворной пѣвческой Капеллы, и чтобы одобренныя имъ къ печатанію употреблялись не въ рукописныхъ тетрадяхъ, но въ печатныхъ экземплярахъ, и притомъ съ разрѣшенія св. Синода. Въмѣстѣ съ тѣмъ Оберъ-Прокуроръ полагалъ: 1. не подвергать никакому новому распоряженію произведенія древнія, принятыя отъ греческой церкви за семь вѣковъ предъ симъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть ихъ въ XVII вѣкѣ переложена на ноты и издается отъ св. Синода нотными книгами подъ названіемъ Октоиха, Ирмологія и церковнаго Обихода; 2. оставить неприкосновенными существующіе въ разныхъ мѣстахъ Россіи совершенно особые напѣвы, изъ которыхъ нѣкоторые восходятъ до глубокой древности, не позднѣе XVII вѣка, и потому заслуживаютъ того, чтобы на нихъ обращено было особенное вниманіе, какъ на народныя памятники нашей церковной древности, тѣмъ болѣе, что народъ вездѣ сдѣлалъ къ нимъ многовѣковую привычку, и всякое измѣненіе ихъ послужило бы не только къ его огорченію, но даже было бы опасно, угрожая неминуемыми расколами.

По соображенію всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ этому дѣлу, Высочайше утверждены были почти вдругъ всѣ предположенія А. Ѳ. 13 августа 1846 года повелѣно было:

1. Нигдѣ въ православныхъ церквахъ не вводить новыхъ духовно-музыкальныхъ сочиненій безъ предварительнаго одобренія оныхъ директоромъ придворной пѣвческой Капеллы, одобренныя же имъ употреблять не иначе, какъ въ печатныхъ экземплярахъ и притомъ съ разрѣшенія св. Синода.

2. Введенные съ древнихъ временъ въ нѣкоторыхъ церквахъ, монастыряхъ и пр. древніе напѣвы оставить безъ измѣненія.

3. Всѣмъ такимъ напѣвамъ составить списокъ.

4. Поручить ему, г. Львову, тѣ изъ древнихъ напѣвовъ, кои еще не положены на ноты, положить на оныя, но отнюдь не дѣлать въ нихъ никакого измѣненія, и, буде въ напѣвахъ одного и того-же произведенія существуетъ по мѣстамъ разница, то не приводить онаго къ одному, а предоставить каждому мѣсту или церкви напѣвъ, введенный въ обычай.

Любопытно было знать, какое впечатлѣніе сдѣлано постановленіемъ на композиторовъ, регентовъ, и на всѣхъ пѣвцовъ, исполнявшихъ пѣніе по своей волѣ, руководствовавшихся однимъ преданіемъ въ пѣніи и довольствовавшихся однимъ изученіемъ по наслышкѣ. Но это сокрыто отъ исторіи. Она основывается на однихъ фактовъ, изъ которыхъ видно, что постановленіе о пѣніи 1846 года касалось собственно четырехъ разныхъ предметовъ и утверждало предположенія А. Θ. а) о порядкѣ въ разсмотрѣніи и печатаніи духовно-музыкальныхъ сочиненій; б) объ устройствѣ пѣвческихъ хоровъ; в) о составленіи переложеній; г) о собраніи разныхъ напѣвовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя восходятъ до глубокой древности, а другіе образовались не позднѣ XVII вѣка.

Понятно, что изъ всѣхъ этихъ предметовъ самымъ успѣшнымъ по своему исполненію могъ быть первый предметъ, т. е. порядокъ въ разсмотрѣніи и печатаніи духовно-музыкальныхъ сочиненій, потому что онъ опирался на старыя постановленія и не требовалъ отъ А. Θ. никакихъ особенныхъ заботъ о дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Послѣдніе же три предмета, по мысли своей исключительно принадлежавшіе А. Θ., естественно требовали особеннаго искусства въ своемъ развитіи и много времени и труда какъ отъ самого А. Θ., такъ и отъ ближайшихъ его сотрудниковъ. Не смотря на то, что они принадлежатъ къ одному и тому же періоду времени (1846—54 г.), мы будемъ разсматривать ходъ ихъ порознь, потому что они дѣйствительно разнообразны, и потому, что они имѣли, какъ увидимъ, неравный успѣхъ.

Самымъ крупнымъ явленіемъ въ исторіи церковнаго пѣнія и вмѣстѣ самымъ важнымъ трудомъ А. Θ. было приложеніе гармоніи къ мелодіи нотныхъ книгъ, изданныхъ Св. Синодомъ. Оно стоило ему многихъ заботъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принесло ему не мало прискорбныхъ ощущеній.

А. Θ., принимая обязанности директора Капеллы послѣ своего родителя, безъ всякаго сомнѣнія, зналъ уже о тѣхъ трудахъ, какіе онъ долженъ былъ продолжать. Я говорю о переложеніяхъ древней церковной мелодіи. Онъ, безъ сомнѣнія, зналъ и о направленіи, въ какомъ долженъ былъ вести все дѣло переложеній. Онъ, безъ сомнѣнія, также имѣлъ случай и охоту взглянуть на прежніе труды предшественниковъ въ этомъ родѣ и составить себѣ о нихъ опредѣленное понятіе.

„Многіе сочинители, писалъ онъ перелагая древніе напѣвы, т. е. напѣвы безъ музыкальнаго такта и ритма, приводили ихъ въ тактъ и размѣръ, и тѣмъ, безъ сомнѣнія, содѣлывали его болѣе почтеннымъ въ отношеніи его собственно; но съ тѣмъ вмѣстѣ разрушали ту связь, которая

существовала между словомъ и пѣніемъ, и для удовлетворенія принятыхъ правилъ принуждены были допускать иногда повтореніе словъ, иногда протяженіе ихъ и, что всего хуже, произношеніе словъ пѣвчими не въ одно время, отчего рѣчь такъ смѣшивается между голосами, что слушателю почти нѣтъ возможности разобрать, что поютъ.

Этотъ великій недостатокъ существуетъ въ большей части новѣйшихъ сочиненій. Пѣвецъ, увлеченный страстью къ своему искусству, рѣдко можетъ удержать пѣніе въ границахъ уступчивости противу слова, которое должно бы оставаться неприкосновеннымъ, дозволяя себѣ дѣлать умѣстныя и неумѣстныя повторенія для удовлетворенія потребностей пѣнія, отчего часто теряется не только сила, но и смыслъ словъ. Эти совершенно справедливыя замѣчанія о композиторскихъ трудахъ предшественниковъ естественно предполагаютъ, что А. Ѳ. имѣлъ свой собственный, весьма опредѣленный и вѣрный взглядъ на характеръ церковнаго пѣнія.

„Совершеннѣйшее церковное пѣніе, говоритъ онъ есть то, которое, не занимая слушателя само собою и служа только проводникомъ молитвы къ сердцу молящагося, совершенно связано съ словомъ въ отношеніи выраженія, размѣра, ударенія и т. п.“ (См. предисловіе къ Обиходу).

1846 годъ отличался особенною дѣятельностью А. Ѳ. Онъ былъ уже генераль-маіоромъ свиты Е. В. и состоящимъ въ должности директора Капеллы. Въ это время особенно ясно выразился главный характеръ его дѣятельности—прекращеніе произвола въ печатаніи и употребленіи духовно-музыкальныхъ сочиненій и устраненіе измѣненій при исполненіи сочиненій изъ одобренныхъ Капеллой.

Духовно-музыкальныя сочиненія въ это время писались многими сочинителями оперъ; нѣкоторыя даже представлялись въ цензуру и пропускались свѣтскою цензурою. А. Ѳ., основываясь на указѣ 16 г., рѣшилъ положить всему этому конецъ. Этимъ онъ далъ почувствовать свою силу.

Многіе регенты литографировали добавочные голоса къ 2-хъ-голосному кругу. Львовъ собралъ ихъ и уничтожилъ. Но потомъ самъ переложилъ на 4 голоса.

И такъ,—дѣйствительно полезною дѣятельностью А. Ѳ. въ 1846 г. были оскорблены музыкальные сочинители, простые пѣвцы, добывавшіе себѣ кусокъ хлѣба, огорчено духовенство требованіями записать свое преданіе въ пѣніи и отдать въ этой записи отчетъ г. директору.

Узнавъ твердо съ какихъ нотъ поютъ простые церковные напѣвы, А. Ѳ. приступилъ къ изложенію церковной мелодіи въ гармонической формѣ такъ, чтобы сохраняя мелодію въ

строжайшей точности, положить прочное основаніе къ установленію желаемаго единства въ пѣніи при Богослуженіи.

Для сего А. Θ. просилъ, чтобы ему дозволено было собирать изъ церквей и монастырей старинныя ноты, которыя и навезли къ нему въ огромномъ количествѣ, такъ что явилось затрудненіе не въ недостаткѣ матеріала, а въ томъ, чему отдать предпочтеніе.

Но въ самомъ началѣ своего дѣла А. Θ. встрѣтилъ затрудненіе. Онъ увидѣлъ, что при многочисленныхъ хорахъ четырехголосная гармонія не составляетъ той полноты, того органнаго эффекта, которые мы слышимъ при исполненіи простого напѣва придворнымъ хоромъ. Но, вникнувъ подробно въ причины этого, А. Θ. усмотрѣлъ, что по принятому съ давняго времени обычаю вышесказанная четырехголосная гармонія имѣетъ еще подраздѣленія, принадлежащія исключительно нашему древнему церковному пѣнію и весьма способствующія къ исправному исполненію церковнаго пѣнія, неподдерживаемаго никакими инструментами.

Подраздѣленія эти состоятъ въ томъ, что высокій басъ поетъ коренной напѣвъ вмѣстѣ съ дискантомъ и тѣмъ служить весьма полезною поддержкою неопытныхъ мальчиковъ и точному приему напѣвовъ; второй дискантъ поетъ съ первымъ теноромъ, второй теноръ съ альтомъ, а низкій басъ, опредѣляющій ходъ гармоніи, остается неудоеннымъ. При семь составѣ гармонія является точно въ томъ видѣ, какъ мы и слышимъ въ Придворномъ хорѣ безъ малѣйшаго измѣненія.

На основаніи такихъ теоретическихъ данныхъ А. Θ. переложилъ на 4 голоса и издалъ въ 46 г. Сокращенный Ирмологій знаменнаго распѣва, въ 47—Обиходъ нотнаго церковнаго пѣнія, въ 49—Октоихъ знаменнаго распѣва и Собраніе нѣкоторыхъ особыхъ служеній, исполняемыхъ при Высочайшемъ Дворѣ.

Во всѣхъ этихъ книгахъ А. Θ. помѣстилъ примѣчаніе, съ указаніемъ на вышешоказанныя подраздѣленія, которыя могутъ измѣняться по мѣрѣ различнаго состава хоровъ въ отношеніи числа пѣвчихъ.

Различныя музыкальныя означенія, дѣлаемыя понынѣ на итальянскомъ языкѣ, какъ-то: *adagio*, *allegro maestoso*, *piano*, *forte* и пр. А. Θ. замѣнилъ означеніями на языкѣ природномъ, медленно, скоро, величественно, тихо, громко и проч.

А. Θ. въ этомъ случаѣ раздѣлялъ мысли князя В. Θ. Одоевскаго и первый рѣшилъ привести ихъ въ исполненіе. Кн. Одоевскій по случаю изданія книги о свободномъ или несимметричномъ ритмѣ, писалъ къ А. Θ.: „когда приходится писать о музыкѣ, то впадаешь въ полное недоумѣніе: какъ писать, чтобы тебя поняли? Нашъ техническій музыкальный

языкъ еще недовольно обработанъ; разные русскіе техническіе термины, которые мы съ Вами пытались вводить, остаются пока вполнѣ понятными лишь для насъ двоихъ; иностранные термины, наиболѣе распространенные между музыкантами, остаются также непонятными для остальныхъ читателей: такъ мало распространено основательное изученіе музыки“.

Труды свои по переложеніямъ А. Θ. повѣрялъ, приказавъ пѣть по новымъ нотамъ и безъ нихъ, потомъ слыхалъ коренныя мелодіи съ нотами древнихъ церковныхъ книгъ и, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, не нашелъ ни малѣйшей разности.

Книги изданы были по Высочайшему повелѣнію и немедленно были допущены къ исполненію въ храмахъ. Еще въ началѣ 1848 г. А. Θ. представилъ-было на одобреніе св. Синода обиходъ простого нотнаго пѣнія, но тогда же получилъ увѣдомленіе, что эта книга удостоена Высочайшаго одобренія и потому никакое другое одобреніе не можетъ имѣть мѣста.

Въ такой обширной дѣятельности прошли первыя 12 лѣтъ А. Θ. въ должности Директора Придворной Пѣвческой Капеллы. Вся эта дѣятельность, имѣвшая большое вліяніе на всѣ хоры пѣвцовъ, не могла не быть замѣченной и самимъ обществомъ. Гармоническія нотныя книги издавались Капеллой по Высочайшему повелѣнію и при надлежащей поддержкѣ расходились во множествѣ экземпляровъ; нѣкоторыя изъ этихъ книгъ надлежало издавать повторительно, чтобы удовлетворить спросу ихъ. По расходу книгъ, изданныхъ Капеллой, надо судить главнымъ образомъ о томъ, насколько законъ о пѣніи единственно по печатнымъ книгамъ развивался между правильно организованными хорами и другими любителями партеснаго пѣнія въ Россіи. Но была бы неизвинительною ошибкою мысль о томъ, что книги расходились потому, что русское общество остается довольнымъ ими, находить ихъ вполнѣ цѣлесообразными, т. е. совершенно соотвѣтствующими церковному назначенію и церковной древности, память тѣхъ временъ, когда лучезарными свѣтилами сіяли свв. Петръ, Алексій и Іона и всея Россіи чудотворцы... и по нимъ блаженные патріархи Всероссійскіе и всѣ искренніе ревнители древняго благочестія и благочинія. Приступаемъ ко 2 эпохѣ въ директорской дѣятельности А. Θ.

Придворныя пѣвчіе и другіе хоры, которые находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ А. Θ., какъ на примѣръ хоры Придворно-Конюшенный, всѣхъ учебныхъ заведеній и полковъ гвардейскаго корпуса, первые начали исполнять по этимъ книгамъ. Несмотря на то, что въ этихъ и другихъ

хорахъ самъ А. Ѳ. слѣдилъ за уравненіемъ пѣнія, исполненіе по новопереложеннымъ книгамъ произвело такое невыгодное впечатлѣніе на Петербургскихъ слушателей, что многіе изъ нихъ, находя это пѣніе очень новымъ, оставляли молитву въ храмѣ и самый храмъ. Одинъ изъ современныхъ жителей Петербурга живо передаетъ впечатлѣніе это, объясняя его, впрочемъ, скорѣе недоброжелательствомъ къ А. Ѳ., чѣмъ дѣйствительно значеніемъ переложений. Онъ писалъ: „Переложеніе церковныхъ унисонныхъ книгъ въ 4-хъ голосныя не только не вызвало чувства признательности, но возбудило всеобщее негодованіе и въ особенности со стороны духовенства, достигавшее въ нѣкоторой степени до преслѣдованія. Все было придумано, чтобы повредить успѣху труда, и когда по волѣ высшаго правительства употребленіе его ноть при богослуженіяхъ сдѣлалось обязательнымъ, то въ Петербургскихъ церквахъ вмѣсто такъ называемыхъ ирмосовъ греческаго распѣва, съ которыми такъ давно освоились прихожане, начали почти исключительно пѣть ирмосы знаменныя, почти никому не знакомые, а на вопросъ, что это за напѣвъ, отвѣчали — „это переложеніе Львова“. Такими и тому подобными путями добились до распространенія всеобщей молвы, что Львовъ перепортилъ и исказилъ всѣ наши древніе напѣвы.“ Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ Петербургское недовольство нотными книгами Львова основывалось на молвѣ и требовало, если не научныхъ музыкальныхъ, то по крайней мѣрѣ церковно-практическихъ разьясненій въ своей справедливости или несправедливости.

А. Ѳ., который вполнѣ сознавалъ чистоту своихъ намѣреній и правоту дѣла, безъ сомнѣнія, не могъ не скорбѣть о распространившейся молвѣ, тѣмъ болѣе, что она заподозрѣвала его въ злоупотребленіи Высочайшей власти. Онъ рѣшился искать законнаго пути къ опроверженію ложныхъ слуховъ и подвергнуть свои переложенія сужденію высшаго духовнаго правленія или Свят. Синода.

Св. Синодъ вскорѣ послѣ этого получилъ напечатанныя переложенія А. Ѳ., призналъ чрезвычайно полезнымъ охранять древнее церковное пѣніе отъ возможныхъ извращеній и, не сомнѣваясь въ достоинствѣ сдѣланныхъ изложеній, назначилъ для разсмотрѣнія ихъ комиссію въ такихъ епархіяхъ православной Россіи, въ которыхъ болѣе всего могло уцѣлѣть древнее пѣніе и любовь къ нему и гдѣ скорѣе всего можно было прислушаться къ голосу мнимыхъ старообрядцевъ, извѣстныхъ блюстителей крюковаго пѣнія, т. е. древней русской церковной мелодіи, изложенной на безлинейныхъ, крюковыхъ нотахъ.

Книги были изданы по Высочайшему повелѣнію и значительно уже распространены. Слѣдовательно, если и должно было имѣть сужденіе, то сужденіе осторожное.

Такими епархіями признаны были: Киевская, Новгородская, Московская и Нижегородская. Въ нихъ были учреждены епархіальные комитеты для разсмотрѣнія пѣнія, новопреложеннаго А. Ѳ.

Въ 1848 году С.-Петербургскій Комитетъ получилъ изъ Синода на разсмотрѣніе: 1) новопреложенный сокращенный Ирмологій знаменнаго поспѣва и 2) простое нотное церковное пѣніе; Московскій Комитетъ — 1) сокращенный Ирмологій знаменнаго пѣнія и 2) Октоихъ всѣхъ 8 гласовъ.

А. Ѳ. не боялся разсмотрѣнія и самыхъ строгихъ сужденій о достоинствѣ своихъ переложеній, потому что онъ вполнѣ сознавалъ правоту своихъ дѣйствій и опирался на строгія научныя правила гармоніи, оправдываемыя практикою и опытомъ всей европейской музыки. Но, несмотря на это, все время пересмотра было самымъ тяжелымъ временемъ въ его жизни. Онъ, музыкальный композиторъ, долженъ былъ здѣсь вести дѣло свое не съ темною толпою, право или неправо разсуждающею о его переложеніяхъ. Можно сказать, что эти три года пересмотра переложеній его стоили для него почти цѣлой жизни.

Пересмотръ первыхъ нотныхъ книгъ, посланныхъ въ комитеты, продолжался около года. Въ концѣ сентября сосредоточились въ Синодѣ донесенія С.-Петербургской и Московской комиссій о книгѣ простаго нотнаго пѣнія церковнаго, сокращенномъ Ирмологѣ и Октоихѣ 8 гласовъ. На основаніи этихъ донесеній о книгѣ простаго нотнаго пѣнія не произнесено никакого мнѣнія, потому что она не касается собственно употребленія въ православныхъ храмахъ, и потому что о ней было уже постановленіе въ 1848 году; о прочихъ же книгахъ переложеній послѣдовало благопріятное рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что новопереложенные Сокращенный Ирмологій и Октоихъ дозволено употреблять вездѣ, гдѣ захотятъ и гдѣ есть возможность. Казалось бы, можно довольствоваться общимъ постановленіемъ о новыхъ переложеніяхъ; ибо ихъ положительно не отвергали. Но вышло нѣсколько иначе, по многимъ причинамъ.

А. Ѳ. получилъ отъ кого слѣдуетъ увѣдомленіе о постановленіи, состоявшемся относительно переложеній, получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ копіи и замѣчаній Комитета и Митрополита и самыя новопереложенныя книги: печатный Ирмологій и Октоихъ. Онъ увидѣлъ, что въ Ирмологіи надъ нотами поставлено было множество крестовъ, т. е. замѣтокъ Комитета, неизглаженныхъ имъ въ свое время. Значеніе нѣкоторыхъ крестовъ объяснялось отчасти въ запискѣ, содержащей мнѣніе Московскаго Комитета, значеніе другихъ крестовъ оставалось для него неразгаданнымъ. Нѣтъ нужды объяснять то чувство, которое испыталъ при этомъ А. Ѳ. „Не хочу и думать, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ

писемъ, чтобы члены Комитета, имѣвшіе въ виду, что книга краткаго Ирмологія писана по Высочайшей Е. И. В. волѣ лицомъ, имѣющихъ счастье пользоваться по предмету сему нѣкоторымъ довѣріемъ Государя Императора, дѣлали бы свои замѣчанія и ставили кресты, не будучи твердо увѣрены въ томъ, что дѣлаютъ и не будучи готовы къ объясненію своихъ дѣйствій на основаніи ихъ въ семъ дѣлѣ познаній.“

Трудъ мой можетъ нравиться и не нравиться — это дѣло вкуса, на который никакихъ правилъ нѣтъ, да и угождать всѣмъ невозможно, но я обязанъ доказать, что въ точности исполняю Высочайше возложенное на меня порученіе, т. е. сохраняю церковный напѣвъ и прилагаю къ нему гармонію правильно; или просить объ увольненіи меня отъ такого труда, въ которомъ лица, разсматривающія оный, находятъ столько погрѣшностей.“

Таковы были мысли А. Θ. при взглядѣ на возвращенныя книги, испещренныя крестами. Они должны были получить еще болѣе мрачное развитіе, когда въ доставленныхъ ему Московскихъ мнѣніяхъ, онъ прочиталъ прямое заявленіе, что „въ новомъ переложеніи при видимомъ большею частью сходствѣ нотъ съ нотами въ изданіяхъ духовной Типографіи замѣчается *ощутительное* отъ нихъ *отступленіе, слышится какое-то мало знакомое тѣніе.*“

Принять это мнѣніе безмолвно, очевидно, значило-бы оправдать всеобщую С. Петербургскую молву и обличить себя, если не въ слабости музыкальныхъ познаній, то въ недобросовѣстномъ исполненіи Высочайшаго порученія. Такимъ образомъ, молчаніе дѣлалось для А. Θ. положительно невозможнымъ. Въ томъ же 1849 г. онъ написалъ свои замѣчанія на замѣчанія Московскаго Комитета и на заключительное сужденіе Московской Епархіальной власти. Общее мнѣніе Комитетовъ о несходствѣ переложеній съ древнимъ унисоннымъ напѣвомъ подкрѣплялось нѣсколькими доводами. Мысль нѣкоторыхъ изъ этихъ доводовъ для А. Θ. казалась непонятною; другіе доводы онъ положительно и совершенно вѣрно отвергъ; третьи призналъ справедливыми, а въ 4-хъ говорилъ, что время и образованныя въ языкѣ лица совершенно оправдаютъ его. На это благодарное дѣло А. Θ. употребилъ не болѣе мѣсяца (октябрь 1849 года). Благоразуміе требовало при этомъ воспользоваться правилами осторожности, не давать этимъ письменнымъ возраженіямъ офиціальнаго хода. А. Θ. предоставлено было лично представить свои замѣчанія Московской Епархіальной власти и объяснить съ нею о нотныхъ книгахъ, какъ уже изданныхъ Капеллою, такъ и о тѣхъ, которыя впредь издаваться будутъ.

Предполагаемое пребываніе А. Θ. въ Москвѣ облегчалось Высочайшимъ повелѣніемъ (ноябрь 1849 г.) отправиться въ

Москву — съ порученіемъ — положить напѣвы Донского и Симоновскаго монастырей и Успенскаго собора на ноты. Для этого онъ долженъ былъ избрать и взять съ собою 2 пѣвчихъ придворной Капеллы. Ему вмѣнялось въ обязанность, по объясненіи тамъ съ Митрополитомъ и съ настоятелями означенныхъ церквей о нотныхъ книгахъ, какъ уже изданныхъ Капеллою, такъ и о тѣхъ, которыя впредь издаваться будутъ, опредѣлить вмѣстѣ съ ними, въ чемъ долженъ заключаться трудъ избранныхъ имъ лицъ и сдѣлать при себѣ начало положенію напѣвовъ на ноты въ одну строку, а потомъ оставить пѣвчихъ тамъ съ надлежащими инструкціями для продолженія труда и доставленія его къ нему для приложенія гармоніи хорнаго состава. О такомъ порученіи, сдѣланномъ А. Θ. Львову, немедленно сообщено было въ Москву для необходимыхъ распоряженій о томъ, чтобы въ означенныхъ церквахъ и монастыряхъ безпрекословно были поданы г. директору всѣ способы къ точному выполненію Высочайше возложеннаго на него порученія. Всѣ необходимыя распоряженія были сдѣланы: и А. Θ. Львовъ явился въ Москву наканунѣ праздниковъ Рождества Христова.

Немедленно по прибытіи своемъ въ Москву А. Θ. Львовъ сообщилъ московскому митрополиту и просилъ его назначить время для свиданія. Свиданіе состоялось на другой день праздниковъ Рождества Христова. При этомъ свиданіи говорилъ А. Θ. о рукописи, содержащей въ себѣ ирмосы и антифоны Греческаго распѣва. Онъ предлагалъ Митрополиту дать эту рукопись регенту архіерейскаго хора выучить въ предположеніи, что Его Высокопреосвященству благоугодно будетъ ихъ выслушать, и между прочимъ, сообщилъ Митрополиту, что въ самый праздникъ Р. Х. архіерейскіе пѣвчіе въ Университетской церкви пропѣли неодобреннымъ напѣвомъ задостойникъ и причастный стихъ, просилъ его, чтобы регентъ того хора, Багрецовъ, доставилъ ноты, по которымъ онъ пѣлъ означенные стихи. Понятно, въ какой степени долженъ былъ обезпokoиться начальникъ, которому указываютъ на безпорядокъ, производимый не какими-либо другими, а именно его епархіальными пѣвчими. Отъ него требуютъ даже нотъ, содержащихъ въ себѣ исполненный напѣвъ. Зачѣмъ это и для чего? Впрочемъ, регентъ этихъ пѣвчихъ объяснилъ, что изъ ввѣреннаго ему хора никто не исполнялъ пѣнія въ Университетской церкви не только въ настоящій годъ, но и въ ближайшіе къ нему прошедшіе годы. Это извѣстіе успокоительно подѣйствовало на Митрополита, но не сократило его заботы. Митрополитъ пожелалъ отъ самого настоятеля Университетской церкви точнѣе узнать о томъ, какой хоръ пѣлъ въ означенный день въ Университетской церкви, почему задостойникъ и причастный стихъ допущены были пѣть неодобреннымъ напѣвомъ, и по

какимъ нотамъ и чьего сочиненія происходило пѣніе; чтобы Консисторія, по предосторожности, подтвердила монастырямъ, соборамъ и церквамъ и церквамъ, чтобы пѣніе въ церквахъ происходило безъ малѣйшаго отступленія отъ Указа Святѣйш. Синода 31 мая 1833 г., чтобы не иначе, какъ съ непремѣннымъ соблюденіемъ сего частные хоры допускались до пѣнія въ церквахъ и чтобы въ случаѣ нарушенія къмъ-либо выше-означенныхъ правилъ, неопустительно и немедленно было доносимо, подь опасеніемъ, что недонесшій настоятель или настоятельница монастыря, протоіерей или священникъ собора или церкви, подвергаетъ себя отвѣтственности, какъ участникъ въ нарушеніи указа Св. Синода.

Болѣе подробное раскрытіе дѣла уяснило, наконецъ, истину. Въ Университетской церкви въ день Р. Х. пѣли Литургію не епархіальные пѣвчіе, а 8 пѣвцовъ, изъ которыхъ—2 причетника той церкви, 2 ученика семинаріи и 1 ученикъ училища вмѣстѣ съ тремя мальчиками-разночинцами, обучавшимися у причетника. Эти пѣвцы пѣли: „Достойно и праведно есть“, и „Тебе поемъ“ — положенныя на ноты іеромонахомъ Симоновскаго монастыря Викторомъ; задостойникъ — ирмосъ 9 пѣсни на Р. Х. съ припѣвомъ, положеннымъ прот. Турчаниновымъ и напечатаннымъ придворной Капеллой; по пропѣніи причастнаго стиха пѣли кондакъ на Р. Х. „Дѣва днесъ“, положенный на ноты неизвѣстнымъ сочинителемъ, но употребляемый, хотя нечасто, со временъ блаженной памяти Митрополита Платона.

А. Θ. Львовъ получилъ всѣ эти свѣдѣнія объ исполненіи пѣнія въ Университетской церкви 25 декабря вмѣстѣ съ самыми нотами, просилъ у Митрополита извиненія въ томъ что неумышленно несправедливыми свѣдѣніями обезпокоилъ его и — возвратилъ самыя ноты.

Вмѣстѣ съ симъ А. Θ. извѣстилъ митрополита отъ себя, что ему Высочайше повелѣно положить на ноты *древніе* напѣвы, употребляемые въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквахъ, тщательно разсмотрѣвъ, какіе изъ нихъ именно древніе, имѣющіе свой самостоятельный характеръ и какіе сочинены въ новѣйшее время самими настоятелями, или къмъ-либо изъ братіи, съ тѣмъ, чтобы первые изъ нихъ, положенные правильно на ноты хорнаго состава (буде они въ этомъ видѣ исполняются), сохранялись и исполнялись впредь, безъ всякаго измѣненія, какъ наслѣдіе предковъ. Затѣмъ, онъ прибавилъ, что напѣвы, вновь сочиненные или переложенные изъ древнихъ, не иначе могутъ быть употребляемы при богослуженіи, какъ по разсмотрѣніи ихъ директоромъ Придворной Пѣвческой Капеллы и разрѣшеніи ихъ Св. Синодомъ. Все это, ловко поставленное замѣчаніе, и имѣло весьма значительное вліяніе на всѣ дѣйствія А. Θ. во время его пребыванія въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, но позоло-

ченная пилюля была проглочена, сообщена Синоду и самое неприятное, впрочемъ для обѣихъ сторонъ, дѣло было покончено. Это было 2 января 1850 года.

Въ тотъ-же самый день А. Ѳ. приступилъ къ исполненію Высочайше возложеннаго на него порученія, т.-е. 1), къ объясненію относительно изданныхъ книгъ; во 2), къ положенію на ноты распѣвовъ Московскихъ Донского и Симонова монастырей и Успенскаго собора. Вмѣстѣ съ симъ А. Ѳ. въ 3), предложилъ Митрополиту, не найдеть ли онъ полезнымъ, чтобы А. Ѳ. прослушалъ всѣ рѣшительно хоры пѣвчихъ, которые въ Москвѣ исполняютъ пѣніе при богослуженіи, для подачи имъ нѣкоторыхъ полезныхъ совѣтовъ, не отклоняя впрочемъ, отъ приличнаго пѣнія тѣхъ напѣвовъ, къ которымъ привыкли прихожане. Всѣ эти занятія А. Ѳ. въ Москвѣ продолжались слишкомъ мѣсяць, до 5 февраля 1850 г. и нерѣдко сливались въ своемъ движеніи. Мы прослѣдимъ ихъ для большей ясности.

Мы видѣли выше, что въ Московскомъ Комитетѣ разсматривались преложенія Придворной Капеллы и что замѣчанія Комитета вмѣстѣ съ замѣчаніемъ Митрополита отосланы въ Св. Синодъ, который и сообщилъ Директору Пѣвческой Капеллы. А. Ѳ. написалъ на все это возраженіе и при личномъ свиданіи съ Митрополитомъ передалъ ему эту записку, прибавивъ, что она сообщается только лично ему, и не должна быть извѣстна Комитету. Митрополитъ, безъ сомнѣнія, прочиталъ эту записку и, какъ она сообщена была неофициально, то и медлилъ отвѣтомъ, а, можетъ-быть, предполагалъ такъ же ограничиться только простымъ собесѣдованіемъ о ней. Между тѣмъ А. Ѳ. Л. въ январѣ мѣсяцѣ неоднократно бесѣдовалъ и разсуждалъ съ Митрополитомъ Московскимъ о замѣчаніяхъ Комитета на новопреложенное пѣніе и о крестахъ, положенныхъ на книгѣ. Малые крестики, поставленные карандашемъ на нотной книгѣ, объяснялись тѣмъ, что члены бывшаго Комитета ставили ихъ во время слушанія пѣнія для означенія нотъ, несходныхъ съ церковною книгою, и что такимъ образомъ, они не составляютъ оскорбленія книгѣ, бывшей въ разсмотрѣніи.

При разсужденіи о самомъ переложеніи А. Ѳ. Львовъ не могъ сойтись мыслями съ Митрополитомъ, потому что смотрѣлъ на дѣло свое съ искусственной стороны, со стороны правильной гармоніи, а Митрополитъ со стороны извѣстнаго и привычнаго церковнымъ пѣвцамъ и слушателямъ напѣва церковной нотной книги. Когда Митрополитъ предлагалъ, что въ томъ или другомъ ирмосѣ или догматикѣ есть несходство 4-голоснаго переложенія съ напѣвомъ церковной книги, или иначе, что въ 4-голосномъ пѣніи церковный напѣвъ не ясно слышенъ, затмѣвается гармоніею, представляется неизвестнымъ церковному слушателю, и, слѣдовательно, произ-

водить не то впечатлѣніе, къ которому привыкъ церковный слушатель, и которое желательно сохранить; то А. Θ. замѣчалъ на это, что гармонія составлена по правиламъ и *не можетъ быть иная*. Такимъ образомъ А. Θ. увлекалъ Митрополита въ ту область, въ которую Митрополитъ слѣдовать не могъ. Поэтому А. Θ. снисходительно принялъ предложеніе Митрополита о свиданіи съ самими членами Комитета и дѣйствительно, бесѣдовалъ съ ними по интересовавшимъ его вопросамъ въ переложеніи церковной мелодіи. Все это происходило словесно, но словамъ кто-же можетъ повѣрить? А между тѣмъ А. Θ. необходимо было составить отчетъ о своей дѣятельности въ Москвѣ и о переговорахъ о нотныхъ книгахъ. Въ концѣ января, намѣреваясь оставить Москву, А. Θ. просилъ Митрополита, чтобы онъ далъ свой отзывъ на записку касательно замѣчаній и крестовъ, поставленныхъ въ нотной книгѣ безъ всякаго объясненія бывшимъ Комитетомъ. При этомъ онъ объяснилъ, что ему невозможно не представить объясненія на замѣчанія, сдѣланные Комитетомъ въ книгѣ, находящейся уже у Е. И. В., что онъ обязанъ отвѣтственностью за каждую ноту, что книга краткаго Ирмологія составлена по Высочайшей Е. И. В. волѣ лицомъ, имѣющимъ счастье пользоваться нѣкоторымъ довѣріемъ Государя Императора, что на всѣхъ *удогдѣ* невозможно и что онъ обязанъ доказать, что въ точности исполняетъ Высочайше возложенное на него порученіе, т. е. охраняетъ церковный напѣвъ. Это требованіе А. Θ. было немедленно исполнено; и онъ получилъ возможность писать отчетъ на основаніи письменнаго заявленія, доставленнаго отъ Московскаго Митрополита. Въ письмѣ своемъ на имя А. Θ. Львова Московскій Митрополитъ увѣдомлялъ его, что 1, разсматриваніе сего предмета по отношенію къ правиламъ искусства, какъ выше сужденія бывшаго Комитета, такъ и его, Митрополита, и сужденію не подлежитъ, что 2, сущность мнѣнія Комитета состояла въ томъ, что новопреложенное пѣніе представляетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовольно точное сходство съ древнимъ церковнымъ для слуха, привыкшаго къ сему послѣднему, что 3, употребленіе новопреложеннаго пѣнія въ моей церкви домовою, — Митрополита Московскаго, служить доказательствомъ уваженія къ этому пѣнію и желанія удостовѣриться въ его соотвѣтствіи назначенію, что 4, при умноженіи опытовъ служенія его онъ, Митрополитъ, не можетъ совсѣмъ отказаться отъ мнѣнія, представленнаго имъ Св. Синоду, что желательно было бы видѣть новопреложенное церковное пѣніе въ гармоніи, болѣе въ нѣкоторыхъ частяхъ близкимъ къ древнецерковному одноголосному напѣву и болѣе простымъ для малоискусныхъ исполнителей, и, наконецъ, 5, что онъ, какъ и прежде полагалъ принять его для хоровъ болѣе образованныхъ, такъ и нынѣ готовъ предписать общее употребленіе его, по усмотрѣнію Св. Синода.

Вскорѣ потомъ А. Θ. Львовъ (3 февраля) получилъ отъ Московскаго Митрополита окончательное заключеніе всѣхъ своихъ мыслей о новопреложенномъ пѣніи. Митрополитъ, сознавая важность и пользу сего труда, писалъ между прочимъ: „въ гармоніи новопреложеннаго церковнаго пѣнія 4-голоснаго церковный напѣвъ въ нѣкоторыхъ частяхъ ясно слышенъ, и привыкшимъ къ церковному пѣнію слухомъ удобно узнается, а въ нѣкоторыхъ частяхъ не такъ ясно слышенъ, и какъ бы затмѣвается гармоніею и нелегко узнается. Но если примѣчаемому съ сей стороны нѣкоторому недостатку противополжить ту пользу, что введеніемъ сего пѣнія, можетъ быть уничтоженъ произволь неискусныхъ и не въ духѣ церковномъ составляемыхъ преложений и сочиненій, по разнымъ мѣстамъ отъ времени до времени вторгающихся въ церковь, то введеніе въ употребленіе Вашего труда достойно всякаго споспѣшествованія“. А. Θ. очень благодарилъ за это мнѣніе. Такъ окончились личныя объясненія о трудѣ преложений. Смѣло можно сказать, что онѣ не удовлетворили его: онъ искалъ объясненій на то, почему его приложеніе гармоніи не удовлетворяетъ заданной имъ себѣ цѣли, почему она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заглушаетъ мелодію. Ему отвѣчали, что нѣкоторыя переложенія удачны, а нѣкоторыя не соотвѣтствуютъ своему назначенію, потому что гармонія заглушаетъ мелодію.

Итакъ что же? Мелодія была выписана правильно съ печатныхъ книгъ Синодальнаго изданія, гармоническіе аккорды къ этой мелодіи также приложены были по всѣмъ правиламъ гармоническаго искусства. Казалось бы, изъ этихъ двухъ дѣйствій долженъ при исполненіи происходить результатъ удовлетворительный для слуха, а между тѣмъ новопреложенное пѣніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляло недовольно точное и ясное сходство съ древнимъ церковнымъ пѣніемъ для привыкшаго къ сему послѣднему слуха. Спрашивается отчего это? Вотъ вопросъ, который въ то время былъ одинаковой загадкой какъ для тѣхъ, кто повѣрялъ новыя переложенія, такъ и для самого А. Θ. Разрѣшеніе его лежало въ научной разработкѣ церковнаго пѣнія, а за нее тогда не только не принимались, но объ ней мало и думали. Такимъ образомъ это—скорѣе недостатокъ цѣлой эпохи, а не частныхъ лицъ, которыя по необходимости взяли прямо за средину веревки, и никогда не видали и не желали посмотрѣть на начало и конецъ ея.

Второе дѣло, которымъ занимался А. Θ. въ Москвѣ, состояло въ положеніи на ноты распѣвовъ Донскаго и Симоновскаго монастырей и Успенскаго собора. За это дѣло А. Θ. взялся недѣлю спустя послѣ своего прибытія (2 января 50 г.). А. Θ., какъ исполнявшій это дѣло по обязанности, рѣшилъ прежде, съ соизволенія Митрополита Московскаго,

снести о томъ съ настоятелями монастырей и собора. Онъ просилъ настоятелей этихъ монастырей увѣдомить его: есть-ли въ монастырѣ древніе напѣвы, собственно ему принадлежащіе? и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, просилъ прислать ему ноты тѣхъ напѣвовъ съ объясненіемъ, какъ оныя поются, въ одинъ ли голосъ или хорнымъ составомъ. Если же такихъ древнихъ напѣвовъ нѣтъ въ монастырѣ, то просилъ увѣдомить, по какимъ именно нотамъ и какъ исполняется пѣніе при Богослуженіи. Настоятеля же Успенскаго собора А. Ѳ. увѣдомилъ о полученіи нотъ Успенскаго собора въ Придворной Пѣвческой Капеллѣ, просилъ увѣдомить его, какъ и гдѣ онъ можетъ услышать это пѣніе, ибо онъ находилъ необходимымъ повѣрить ноты съ самымъ исполненіемъ.

По приглашенію настоятеля Успенскаго собора А. Ѳ. выслушалъ напѣвы во время богослуженія, когда пѣніе исправляется клиромъ Успенскаго собора и когда самого Митрополита не было.

Настоятель Ставропиіальнаго Воскресенскаго, Новымъ Іерусалимомъ именуемаго, монастыря сообщилъ А. Ѳ., что во вѣренномъ ему монастырѣ никакихъ древнихъ напѣвовъ не существуетъ, и что все пѣніе совершается по печатнымъ нотнымъ книгамъ, изданнымъ Св. Синодомъ. А. Ѳ. имѣлъ случай убѣдиться въ вѣрности этихъ показаній лично, когда посѣтилъ монастырь около 16-го января.

Симоновскій напѣвъ, столько славный, за нѣсколько времени предъ тѣмъ былъ положенъ на ноты и доставленъ въ Капеллу еще прежде.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ монастырей оставался для дѣйствованій А. Ѳ. единственный Донской монастырь, славный тогда своимъ архимандритомъ Теофаномъ, который считался между прочимъ и композиторомъ. Архимандритъ Теофанъ увѣдомилъ А. Ѳ., что въ Донскомъ монастырѣ никакихъ особыхъ напѣвовъ нѣтъ и никогда не было, что гармоническое пѣніе исполняется по нотамъ, изданнымъ Придворной Пѣвческой Капеллой. Но, кромѣ нихъ, исполняются еще сочиненія и переложенія его, архимандрита Феофана. О сочиненіяхъ своихъ архимандритъ Теофанъ замѣчалъ, что они были уже разсматриваемы А. Ѳ. и возвращены ему съ приложеніемъ краткихъ правилъ для сочиненія гармоническаго пѣнія. (Стало быть они были очень хорошими сочиненіями, что надлежало литератору посылать азбуку!) О переложеніяхъ же своихъ, которыхъ архимандритъ Теофанъ представилъ довольно длинный списокъ, перелагатель говорилъ, что они переложены съ Октоиха, Ирмологія и Обихода, съ нѣкоторымъ противу подлинника по уважительнымъ причинамъ измѣненіемъ, и просилъ посланному отъ него іеромонаху Пафнутію (этотъ іеромонахъ былъ регентомъ монашескаго

хора Сергіевскаго монастыря близъ С.П.Б.) поручить доставить, что благоугодно будетъ изъ означенныхъ нотъ. А. Θ. отвѣчалъ, что онъ недоумѣваетъ, по какой причинѣ ноты сочиненій и переложеній архимандрита не были въ разсмотрѣніи его, Директора, и просилъ увѣдомить, не были ли они присылаемы въ Капеллу и когда именно? При семъ А. Θ. сообщалъ, что сочиненія его, архимандрита, не могутъ считаться разсмотрѣнными директоромъ Капеллой: потому что не имѣютъ для того надписи, и что включеніе ихъ въ официальное отношеніе тѣмъ болѣе его удивило, что онъ, передѣлавъ эти сочиненія въ угожденіе его, препроводилъ ихъ при частномъ письмѣ для примѣра и въ облегченіе доставилъ съ ними краткія правила, дабы могъ онъ—авторъ сочиненій—удостовериться, что сочиненія его въ такомъ видѣ разрѣшены быть не могутъ, требуя необходимо предварительнаго ихъ исправленія, что въ обязанности директора Капеллы не состоитъ.

Здѣсь умѣстно будетъ разсмотрѣть исторію самой брошюры, которую А. Θ. написалъ для музыкальнаго образованія архимандрита Теофана. Вскорѣ послѣ этого А. Θ. отдалъ ее въ печать и по отпечатаніи препроводилъ печатные экземпляры къ Московскому Митрополиту и къ Теофану. Первому А. Θ. объяснилъ при этомъ, что онъ это дѣлаетъ не съ тѣмъ, чтобы унижить архимандрита Теофана, а признаетъ это необходимымъ потому, что нельзя упрочить послѣдованій, не зная главныхъ началъ.

Архимандритъ Теофанъ извѣстилъ А. Θ., что его предложенія и сочиненія, употребляемыя нынѣ въ Донскомъ монастырѣ, не были еще посылаемы въ Св. Синодъ, потому что они недавно сочинены и потому что, сознавая и самъ нѣкоторые недостатки въ музыкальномъ отношеніи и не смѣя представить въ томъ видѣ на разсмотрѣніе, прилагалъ всѣ мѣры къ возможному исправленію и чистой переписки ихъ, чего не могъ исполнить ранѣе по недостатку средствъ и даже людей, способныхъ къ перепискѣ. Обѣщая затѣмъ отправлять ихъ на разсмотрѣніе по частямъ въ исправленномъ видѣ, архимандритъ Теофанъ спрашивалъ А. Θ., можетъ ли быть дродолжаемо въ монастырѣ пѣніе по симъ нотамъ до окончательнаго разсмотрѣнія ихъ.

А. Θ. находилъ съ своей стороны возможнымъ продолжать пѣніе по этимъ нотамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ уже нѣсколько лѣтъ употреблялись при богослуженіи, но оставилъ все это на благоусмотрѣніе самаго настоятеля и автора, почитая себя не въ правѣ дать по сему предмету положительное разрѣшеніе. Этимъ и окончились всѣ занятія А. Θ. о положеніи другихъ распѣвовъ на линейныя ноты.

Третье дѣло, которымъ занимался А. Θ. по пріѣздѣ своемъ въ Москву по обязанностямъ службы, состояло въ томъ,

чтобы прослушать всѣ хоры, поющіе въ церквахъ Москвы, и преподать имъ совѣты. Изъ всѣхъ пѣвческихъ хоровъ, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, духовному вѣдомству были подчинены только три хора: Синодальный, Епархіальный и Семинарскій. Епархіальный хоръ А. Θ. выслушивалъ 13 января въ квартирѣ Митрополита въ продолженіе 2¹/₂ часовъ, остался очень доволенъ и лично благодарилъ самого регента.

Вольныхъ хоровъ, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, было 6: хоръ кн. Оболенскаго, мѣщанина Соловьева, артиста Селезнева, мѣщанина Соколова, купца (родомъ ямщика) Прокопія Ерохова и артиста Бобовскаго.

Всѣ эти хоры въ пребываніе А. Θ. въ Москвѣ по приказанію его являлись къ нему въ квартиру разъ пять и пѣли тамъ нѣсколько пьесъ, напечатанныхъ отъ Капеллы. Они найдены въ положеніи весьма порядочномъ, какъ относительно качества голосовъ, такъ и стройности ихъ, но въ совершенномъ невѣдѣніи, что и какъ пѣть. Озабочиваясь о мѣрахъ, которыя можно было бы предпринять къ воздержанію вольныхъ хоровъ отъ пѣнія при богослуженіи нотъ, не получившихъ ни одобренія директора Капеллы, ни разрѣшенія Св. Синода, А. Θ. составилъ каталогъ нотамъ, которыя на первый случай возможно дозволить пѣть. Этотъ каталогъ выходилъ очень пространенъ: онъ состоялъ изъ 7 нотныхъ книгъ и 55 различныхъ отдѣльныхъ нотныхъ сочиненій; въ числѣ ихъ, между прочимъ, находились сочиненія архимандрита Θεофана, исправленія А. Θ. Львовымъ. По совѣщанію съ митрополитомъ Московскимъ этотъ каталогъ, нѣсколько измененный противъ первоначальной редакціи, былъ розданъ всѣмъ содержателямъ вольныхъ хоровъ съ объявленіемъ, что, буде который изъ нихъ дозволить себѣ пѣть ноты, въ этомъ каталогѣ непоказанныя, тотъ не только лишится права содержать хоръ, но будетъ отвѣтствовать за нарушеніе порядка, установленнаго правительствомъ. При послѣднемъ свиданіи съ этими хорами А. Θ. вручилъ каждому регенту слѣдующей ему аттестатъ отъ Капеллы и разстался съ ними. Такъ окончилось третье и послѣднее дѣло А. Θ. въ Москвѣ.

Получивъ 3-го февраля отъ Митрополита письмо, въ которомъ онъ вызвалъ А. Θ. къ продолженію его занятій переложеніями, и выразивъ ему глубокую благодарность за содѣйствіе, А. Θ. оставилъ Митрополиту прозктъ доклада о пребываніи въ Москвѣ и просилъ, прочитавъ его, сдѣлать какія угодно исправленія, завѣривъ, что они приняты будутъ съ живѣйшей благодарностью и въ точности исполнены. 5-го февраля 1850 г. А. Θ. отправился изъ Москвы.

Такъ окончилось важное дѣло, надѣлавшее великаго шума въ мірѣ любящихъ шумъ. Нотныя книги преложенія Капеллы, несмотря на всѣ замѣчанія Комитета, остались въ томъ же видѣ, въ какомъ они находились тотчасъ по отпе-

чатаніи ихъ и до представленія въ Комитетъ, какъ будто они и не разсматривались никѣмъ изъ практическихъ зна-токовъ церковнаго пѣнія. Самая переписка о нихъ прекратилась.

1850 г. онъ учредилъ Концертное Общество для исполненія классическихъ произведеній и въ теченіе 12 лѣтъ строго заботился о достиженіи сей цѣли. Къ этому Обществу принадлежали высшія лица Петербургскаго Общества; вокальными исполнителями въ этихъ концертахъ были придворные пѣвчіе, а инструментальными артисты Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ.

1851 г. А. Θ. занимался разсужденіемъ о мѣрахъ, какія могли быть приняты къ усовершенствованію Московскаго Синодальнаго хора, и разсмотрѣніемъ Московскихъ напѣвовъ, доставленныхъ ему Митрополитомъ Московскимъ уже въ гармоническомъ видѣ. Въ мѣстѣ съ симъ онъ принималъ мѣры къ усовершенствованію вольныхъ хоровъ. Съ этою цѣлью онъ составилъ книжку о церковныхъ хорахъ и обратилъ здѣсь вниманіе главнымъ образомъ на составъ хора, на теоретическое образованіе хора, и, наконецъ, изложилъ условія, которыя церковному хору соблюдать необходимо. Мысли по всѣмъ этимъ предметамъ заключилъ изложеніемъ общихъ правилъ, необходимыхъ всѣмъ церковнымъ пѣвцамъ или что тоже указалъ на то, въ чемъ состоитъ обязанность хора церковныхъ пѣвчихъ во время богослуженія.

Она первоначально находилась въ разсмотрѣніи С.-Петербургскаго цензурн. Комитета, который представилъ ее въ Синодъ, оттуда она черезъ Московскаго Митрополита перешла на разсмотрѣніе Московскаго Комитета для испытанія новопреложеннаго пѣнія. Комитетъ Московскій написалъ на нее свои замѣчанія, согласно которымъ она и была исправлена и издана первоначально отдѣльно, а потомъ въ совокупности съ Правилами для сочиненія гармоническаго пѣнія С.П.Б. 1853 г.

Стараніе А. Θ. объ усовершенствованіи Синодальнаго хора и другихъ вольныхъ хоровъ въ Москвѣ продолжались до 1854 года. Они остались безъ особыхъ послѣдствій для этихъ хоровъ. А. Θ. совершенно устранился отъ всѣхъ своихъ предначертаній—провести всюду гармоническое исполненіе церковнаго пѣнія къ единству. Съ 1855 года, когда А. Θ. былъ назначенъ сенаторомъ, онъ посвятилъ свои труды единственно Придворной Пѣвческой Капеллѣ. Въ теченіе своихъ остальныхъ 7 лѣтъ служенія въ Капеллѣ А. Θ. для пѣнія по составленнымъ имъ 12 нотнымъ книгамъ образовалъ до 150 регентовъ, которые и разосланы по всей Россіи. Примѣръ пользы сихъ трудовъ сказался на самомъ дѣлѣ, когда при освященіи Исакіевскаго собора было собрано до 1200 пѣвчихъ. 29 апрѣля 1858 г. происходило первое испы-

таніе пѣнія ихъ (о немъ было заявлено кн. В. Ѳ. Одоевскимъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1858 № 95). На каждомъ изъ клиросовъ находилось 600 человекъ подъ управленіемъ А. Ѳ. Львова при многочисленной публикѣ. Это послѣднее обстоятельство было особенно важно. Попыты въ пустомъ пространствѣ храма имѣли бы совершенно иной результатъ и могли бы привести къ самымъ ошибочнымъ заключеніямъ о томъ, какія техническія распоряженія должны быть приняты при самомъ исполненіи: ибо скорость звука во многомъ зависитъ отъ температуры и отъ состава атмосферы воздуха. Такимъ образомъ чрезъ допущеніе публики первый опытъ былъ поставленъ въ тѣ же самыя условія, въ какихъ должно находиться пѣніе громаднаго хора при богослуженіи. Вся масса пѣвцовъ, раздѣленныхъ пополамъ, поставлена была на правомъ и лѣвомъ клиросѣ. Пространство между клиросами равнялось 20 саженьямъ и, слѣдовательно, звукъ отъ одного клироса къ другому могъ достигать не прежде $\frac{1}{7}$ секунды. При такомъ условіи обыкновенный способъ управленія хорами, очевидно, не могъ быть примененъ къ столь огромной массѣ пѣвчихъ. Здѣсь ни ухо поющихъ, ни самый вѣрный расчетъ такта не могли служить руководителями; ухо на каждомъ шагу должно было обманываться на $\frac{1}{7}$ секунды. Это важное затрудненіе съ полнымъ успѣхомъ было побѣждено глубокою опытностью и изобрѣтательностью А. Ѳ. По его распоряженію регенты хоровъ помѣщены такимъ образомъ, что регентъ праваго клироса управлялъ пѣвчими лѣваго клироса, а регентъ лѣваго управлялъ пѣвчими праваго клироса; директоръ, въ свою очередь управляющій регентами, находился съ правой стороны поодаль регента праваго клироса, и ему невидимо, такъ что если эти три точки соединить линіями, то образуется треугольникъ, котораго вершина находится въ лѣвомъ клиросѣ, откуда идутъ двѣ равныя линіи къ правому. Такимъ порядкомъ устранено неудобство, происходящее отъ времени, въ которое звукъ проходитъ отъ одного клироса къ другому, ибо какъ свѣтъ пробѣгаетъ вышесказанное пространство въ безконечно малое время, которое не можетъ входить и въ расчетъ, то оба хора при совмѣстной въ трехъ пунктахъ дирижировкѣ, вступаютъ въ тактъ въ одинъ и тотъ же моментъ, съ совершенною опредѣленностью, какъ будто бы между ними не было никакого разстоянія. Оттого произошло, что оба хора не отставали другъ отъ друга, но выражали какъ оба вмѣстѣ, такъ и отдѣльно всѣ музыкальныя оттѣнки: усиленіе и ослабленіе звуковъ, синкопы, задержанія, аподжіатуры и прочее тому подобное. Дѣйствіе *diminuendo* и *crescendo* въ этихъ огромныхъ массахъ превосходитъ всякое описаніе. Нельзя оцѣнить, сколько искусства, знанія дѣла и труда потребно было, чтобы довести 1000

человѣкъ до такого исполненія, даже независимо отъ всѣхъ мѣстныхъ затрудненій.

Такимъ образомъ, первый опытъ удался совершенно и служилъ ручательствомъ за точность исполненія въ самый день торжественнаго освященія храма. Въ самомъ дѣлѣ оно было удачно оттого, между прочимъ, что пѣвчіе по указанію опыта поставлены были на подмости, имѣвшіе видъ наклонной плоскости. Чрезъ это передніе ряды пѣвчихъ не мѣшали заднимъ рядамъ видѣть регента и не заслоняли собою исхожденіе звуковъ; чрезъ это-же вибраціей слоя воздуха, заключающагося въ подмосткахъ, звуки не только усиливались, но и уравнивались въ ихъ напряженіи (*intensité*). Управление такимъ огромнымъ хоромъ составило полное торжество А. Ф.; потому что пѣніе исполнено было съ отличнѣйшею точностью и совершенствомъ.

Въ 1858 году А. Ф. написалъ весьма любопытную книгу „О свободномъ или несимметричномъ ритмѣ“ и представилъ примѣры собственнаго своего сочиненія, основанные на предложенныхъ имъ правилахъ. Книга эта была плодомъ многолѣтнихъ наблюденій надъ характеромъ церковнаго пѣнія. Въ ней то именно открыта та особенность, которая отличала церковное пѣніе отъ музыки вообще и свѣтской въ особенности. Она заключаетъ въ себѣ правила, какъ употреблять этотъ несимметричный ритмъ; правила, подкрѣпленные примѣрами собственнаго сочиненія. Примѣры наглядны и убѣдительно. Не менѣе того А. Ф. желалъ развить свои мысли о несимметричномъ ритмѣ въ средѣ артистовъ; употребилъ однажды весьма блистательное и практическое доказательство. Онъ, какъ извѣстно, написалъ музыку на слова *Stabat Mater*, переведенная для него русскою прозою. Изъ 24 нумеровъ этого сочиненія одни написаны были съ свободнымъ несимметричнымъ ритмомъ, а другіе съ обыкновеннымъ музыкальнымъ тактомъ и ритмомъ. И что-же.—При исполненіи этихъ пьесъ въ его собственномъ домѣ въ присутствіи почетнѣйшихъ и компетентнѣйшихъ жителей столицы и лучшихъ артистовъ Италіанской оперы всѣ были изумлены тѣмъ, что слова нѣкоторыхъ изъ нумеровъ ясно, внятно и отчетливо влягались въ ухо слушателя, между тѣмъ какъ прозаическій текстъ другихъ, несмотря на стройность музыкальнаго такта оставалась непонятнымъ. Дѣло объяснилось тѣмъ, что первые были написаны музыкальною прозою (съ несимметричнымъ ритмомъ) и вѣрно передавали прозаическую рѣчь, а другіе, связанные тактомъ, искажали ее до непонятности. Я живо помню, говорить гр. Толстой, какъ италіанцы не хотѣли вѣрить объясненію А. Ф. и убѣдились только тогда, когда онъ принесъ имъ партитуру. Излишне было-бы говорить, какое значеніе имѣетъ это въ приложеніи къ пѣнопѣнію нашей церкви, гдѣ слову предоставлено такое важное

значение“ (Слова гр. Дм. Ник. Толстого, Русскій Архивъ стр. 1310—11).

Кн. В. Θ. Одоевскій тогда-же оцѣнилъ мысли А. Θ. о свободномъ или несимметричномъ ритмѣ и въ своемъ письмѣ къ автору подробно развилъ значеніе ихъ для нашего церковнаго пѣнія: „Вамъ извѣстно, писалъ онъ къ А. Θ., съ какимъ глубокимъ сочувствіемъ я читалъ Ваше сочиненіе „о свободномъ или несимметричномъ ритмѣ“, но Вы желали, чтобы я изложилъ подробнѣе свои мысли о семъ важномъ предметѣ, столь близкомъ для всѣхъ насъ, по его связи съ нашимъ церковнымъ пѣніемъ. Исполняю Ваше желаніе.—По моему полному убѣжденію Вы попали на истинный путь, подчинивъ музыкальный размѣръ размѣру словъ, а не наоборотъ, какъ дѣлали многіе, не исключая Бортнянскаго, котораго заслуги въ нашей церковной музыкѣ неоспоримы, но который не могъ вырваться изъ западной колеи, пробитой великими музыкантами; всѣ мы прошли по ней, учась музыкѣ; и здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ челоуѣческой дѣятельности, весьма трудно отдѣлиться отъ понятій, по привычкѣ сдѣлавшихся почти врожденными; весьма трудно забыть то, что трудно досталось; голосъ истины—сущность дѣла—все затмѣвается дѣйствіемъ заученныхъ съ дѣтства фразъ, и стоитъ неимовѣрныхъ усилій бороться съ утвержденною съ дѣтства какою-либо мыслью, ибо за этою мыслью тянется другая, третья—словомъ цѣлый рядъ мыслей, цѣлая система, которая, по привычкѣ, кажется такъ проста, ясна и сподручна.

Въ музыкѣ это дѣйствіе привычки еще значительнѣе, ибо многихъ оттѣнковъ, весьма важнаго для характера музыкальной фразы нельзя выразить словами; эти оттѣнки передавались въ старину практически отъ учителя къ ученику, который въ свою очередь становился учителемъ и т. д.; но при этомъ переходѣ преданіе измѣнялось, или и вовсе терялось по многимъ причинамъ: и по отличительному характеру отдѣльныхъ лицъ и по вліянію общаго характера музыки въ данную эпоху.

Испытанное преданіе перешло въ учебники и закрѣпилось печатнымъ станкомъ; оттого стало еще труднѣе въ этомъ дѣлѣ восходить къ первоначальному источнику, а между тѣмъ такое путешествіе необходимо, если мы искренно желаемъ добраться до истины.

Замѣтимъ прежде всего, что наша православная церковь, даже и въ своей обрядной части, имѣетъ важное и многознаменательное преимущество предъ Латинскою: наша литургія совершается не на языкѣ, почти никому изъ мірянъ неизвѣстномъ, но на языкѣ, понятномъ для всякаго русскаго простолюдина; она никогда не совершается шопотомъ (*messe basse*), но всегда громогласно, во всеуслышаніе мірянъ. Такимъ

образомъ ни единое слово изъ нашихъ молитвъ, полныхъ и чувства и разума, не теряется; оттого наша литургія есть постоянное поученіе для народа, не только религіозное и нравственное, но и разумное. Поговорите съ умнымъ предстоятелемъ: онъ знаетъ почти всѣ молитвы наизусть и приводитъ изъ нихъ изрѣченія, большею частію весьма вѣрно примѣняя ихъ къ дѣлу своего быта; слѣдственно онъ не только сердцемъ, но и умомъ усваиваетъ себѣ то, что слышитъ каждое воскресеніе. — Это обстоятельство мнѣ представляется важнымъ во всѣхъ смыслахъ, и довольно странно, что оно до сихъ поръ укрывалось отъ талантливыхъ людей, написавшихъ у насъ церковную музыку, ибо здѣсь исходный пунктъ. Понятно, что на это требованіе не обратили вниманія ни Галуппи, ни Сартти, иностранцы, не понимавшіе нашего языка, ни Бортнянскій.

Смотря на предметъ съ этой точки зрѣнія, я считаю согласно съ Вами слѣдующія данныя неоспоримыми:

1) Ритмъ церковной музыки долженъ вполнѣ совпадать съ ритмомъ словъ молитвы, т. е. сохранять въ каждомъ словѣ то удареніе, которое принадлежало этому слову при правильномъ чтеніи. Правила Ваши, означенныя для сохраненія сего условія въ высшей степени справедливы и не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію; примѣръ, приведенный Вами изъ Бортнянскаго, гдѣ эти правила нарушены, поразителенъ.

2) Церковная музыка, болѣе нежели всякая другая, должна быть въ полномъ согласіи со смысломъ словъ, или, какъ Вы прекрасно выразились, „пѣніе не должно отрѣшаться отъ молитвы“; церковная музыка не должна напоминать намъ житейскихъ радостей и печалей, но поддерживать молитвенное настроеніе духа; сказать яснѣе — необходимо, чтобы всякій, слушая церковную музыку, не смѣшивалъ ее съ другою, житейскою.

Я почти повторилъ Ваши слова, но это необходимо для нашихъ дальнѣйшихъ выводовъ.

Остановимся на первомъ требованіи относительно ритма.

Я не войду въ разсужденіе о томъ, должна-ли церковная музыка быть проста или учена, искусственна или безыскусственна; мнѣ кажется, что все это слова *пустопорожня* и употребляются людьми, которые бы весьма затруднились, если бы у нихъ попросить объясненія, что они понимаютъ подъ названіями: простая музыка и музыка ученая. Я встрѣчалъ, да и Вы, вѣроятно, встрѣчали людей, которые находятъ весьма простыми и безыскусственными, на примѣръ, слѣдующія вещи: четный рѣзкій, однообразный ритмъ, выдержанный въ теченіе нѣсколькихъ сотенъ тактовъ; или задержаніе на случайной проходящей нотѣ, чѣмъ переполнены разныя итальянскія каватины, Варламовскіе романсы — на

итальянско-нижегородскій ладъ. Эти господа считаютъ такое задержаніе дѣломъ весьма простымъ и безыскусственнымъ потому, что они не слыхали ни одного пѣвца, который бы удержался отъ поползновенія доказать этой штучкой, что можетъ быть искусственнѣе этой итальянской хватки въ музыкѣ вообще! и что можетъ быть ея неприличнѣе во всякой духовной музыкѣ! Стоить прослушать Stabat Mater Россини, челоука въ этомъ смыслѣ геніальнаго; музыка прекрасна-безспорно, но отнимите слова она годится въ Зельмиру, въ Отелло..... и даже въ оперу буффо.“

По возвращеніи А. Θ. въ С.-Петербургъ, онъ встрѣтилъ здѣсь, что прежняя молва о трудахъ и недовольство ими очень усилилась извѣстіями Московскими. Повсюду разнеслось сказаніе, что Московскій Митрополитъ остался недоволенъ пребываніемъ А.Θ. въ Москвѣ. Существованіе такого сказанія подтверждается письмомъ самаго А. Θ. Онъ писалъ къ Митрополиту Московскому: „возвратясь въ С.П.Б., я имѣлъ счастье представить отчетъ дѣйствіямъ моимъ въ Москвѣ, добавивъ оныя предположеніями, на которыя испрашивалъ не утвержденія, но позволенія войти въ предварительныя сношенія съ лицами, которымъ обстоятельства сего рода болѣе извѣстны. За симъ послѣдовали недоумѣнія, а за ними неудовольствія, а что мнѣ всего огорчителнѣе, это то, что до меня доходятъ слухи (справедливые или нѣтъ, не знаю), яко-бы Ваше Высокопреосвященство недовольны послѣдствіями моего пребыванія въ Москвѣ, гдѣ я имѣлъ счастье пользоваться столь милостивымъ вниманіемъ Вашимъ. Упрекнуть я себя ни въ чемъ не имѣю, и потому переносу сіе съ покорностію волѣ Божіей“. Это писалъ А. Θ. въ мартѣ. 15 апрѣля 50 года Оберъ-Прокуроръ Св. Синода доложилъ Императору о пререканіяхъ Львова съ Синодомъ, и онъ повелѣлъ ограничить только представленіемъ его трудовъ Синоду. Это много успокоило молву, которая, несмотря на свою силу—мало по малу улеглась. Въ маѣ 50 года А. Θ. писалъ: „многое перенесъ я здѣсь съ тѣхъ поръ, но Богъ—помощникъ мнѣ, не по мнѣ, а по чистотѣ намѣреній, съ которыми я тружусь во славу православной Его Церкви. У насъ въ Петербургѣ всѣ варіаціи про пѣніе прекращены, и слушатели, чѣмъ болѣе вникаютъ въ правильное пѣніе древнихъ напѣвовъ, тѣмъ болѣе видятъ неумѣстность пѣнія итальянскаго и кудряваго. Дай, Господи, чтобы все это утвердилось во славу церкви и святыхъ ея подвижниковъ. Такимъ образомъ переворотъ въ мысляхъ о переложеніяхъ Львова совершился чрезъ вниманіе къ самому пѣнію.

Излишне было бы сомнѣваться въ этомъ выводѣ потому только, что о немъ говорилъ самъ А. Θ. Есть и другія современныя указанія на это замѣчательное явленіе въ психологической сторонѣ самой образованной публики.

Есть другія свидѣтельства, которыя приводятъ къ тому-же историческому выводу. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ записало, между прочимъ, вотъ что (русскій Архивъ 1871 г. стр. 1307—8):

„Молва (о томъ, что Львовъ перепортилъ и искажилъ всѣ наши древніе напѣвы, благодаря интригѣ росла и, наконецъ, превратилась въ общественное мнѣніе, силѣ котораго подчинился и я. Для меня это было тѣмъ непростительнѣе, что я не далъ себѣ труда удостовѣриться въ справедливости обвиненія, взводимаго на А. Ѡ. и позволилъ себѣ съ наслуху порицать его труды. Предубѣжденіе мое было до того сильно, что я даже всячески старался избѣгать встрѣчи съ нимъ.“ „Однажды, это было, кажется, въ 1850 г. поѣхалъ я вечеромъ къ Преосвященному Иннокентію Таврическому, который жилъ на Псковскомъ подворьѣ, и съ которымъ я былъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Войдя въ прихожую, я замѣтилъ лежавшую тамъ военную шинель и, когда на вопросъ мой: кто здѣсь,—получилъ отвѣтъ: генераль Львовъ, мнѣ сдѣлалось такъ непріятно, что я остановился въ раздумьѣ, не ѣхать ли мнѣ домой. Но холодная зимняя ночь и дальнее разстояніе до моей квартиры—я тогда жилъ на Литейной—заставили меня преодолѣть непріятное впечатлѣніе, и я рѣшился войти. Сначала я всячески старался избѣгать непосредственной бесѣды съ А. Ѡ.; но когда я мало-по-малу вслушался въ его рѣчи, впечатлѣнія мои начали измѣняться и предубѣжденіе ослабѣвать. Онъ говорилъ такъ дѣльно и съ такимъ искреннимъ уваженіемъ къ нашему древнему церковному пѣнію, что я не могъ въ душѣ съ нимъ не согласиться. Мнѣ казалось только непонятнымъ, что человекъ, столь здраво разсуждающій, такъ ясно смотрящій, могъ посягнуть на неприкосновенность того самого предмета, предъ которымъ, казалось, онъ такъ благоговѣть.“

„На другой-же день отправился я въ Пѣвческую Капеллу и спросилъ себѣ его догматики и ирмосы знаменнаго распѣва. Я просмотрѣлъ ихъ съ величайшимъ вниманіемъ и не нашелъ въ нихъ никакого отступленія отъ нашихъ древнихъ напѣвовъ. Не довѣряя однакоже самому себѣ, я попросилъ пропѣть мнѣ первыя строки и еще болѣе удивился, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшихъ существенныхъ измѣненій. Тоже оказалось и съ переложеніями греческаго распѣва. Интрига сдѣлалась для меня очевидною. Мнѣ стало и совѣстно и стыдно, что я такъ легкомысленно дался въ обманъ. Прямо изъ Капеллы я поѣхалъ къ Львову и чистосердечно предъ нимъ покаялся. Онъ простилъ меня добродушно. Съ этого времени мы сблизились, и знакомство наше не замедлило превратиться въ самую искреннюю дружбу. Желая исправить мою собственную ошибку и объявить дѣло въ его настоящемъ видѣ, я написалъ *историческое обозрѣніе нашего*

церковнаго тѣнія, которое и доселѣ остается неизданнымъ. Лѣтъ черезъ 7 послѣ отсылки рукописи мнѣ говорили, что я могу ее напечатать, но официальнаго разрѣшенія я никогда не получалъ и рукописи мнѣ не возвращали. Такъ какъ цѣлью моего сочиненія было оправданіе трудовъ Львова указаніемъ на ихъ непосредственную связь съ древними напѣвами, и поелику въ это время вражда противъ нихъ затихла, а общественное мнѣніе начало отдавать имъ справедливость, то я нашель, что изданіе моеѣ рукописи сдѣлалось уже безцѣльнымъ и несвоевременнымъ“.

Первая школа.

Изъ автобіографіи Ф. И. Шалятина.

(Лѣтопись 1917 г. № 1-ый.)

.... Помню веселаго кузнеца, молодого парня; онъ заставлялъ меня раздувать мѣха, а за это выковалъ мнѣ желѣзныя плитки для игры въ бабки. Кузнецъ не пилъ водки и очень хорошо пѣлъ пѣсни; забылъ я имя его, а онъ очень любилъ меня и я его тоже.

Когда кузнецъ запѣвалъ пѣсню, мать моя, сидя съ работой у окна, подтягивала ему, и мнѣ страшно нравилось, что два голоса поютъ такъ складно. Я старался примкнуть къ нимъ и тоже осторожно подпѣвалъ, боясь спутать пѣсню, но кузнецъ поощрялъ меня:

— Валяй, Федя, валяй. Пой,—на душѣ веселѣй будетъ. Пѣсня, какъ птица,—выпусти ее, она и летитъ.

Хотя на душѣ у меня и безъ пѣсни было весело, но—дѣйствительно—бывая на рыбной ловлѣ или лежа на травѣ въ полѣ, я пѣлъ, и мнѣ казалось, что когда я замолчу,—пѣсня еще живетъ, летитъ.

Однажды я, рѣдко ходившій въ церковь, играя вечеромъ въ субботу неподалеку отъ церкви св. Варлаамія, зашелъ въ нее. Была всенощная. Съ порога я услышалъ стройное пѣніе. Протискался ближе къ поющимъ,—на клиросѣ пѣли мужчины и мальчики. Я замѣтилъ, что мальчики держатъ въ рукахъ разграфленные листы бумаги; я уже слышалъ, что для пѣнія существуютъ ноты, и даже гдѣ-то видѣлъ эту линованную бумагу съ черными закорючками, понять которыя на мой взглядъ было невозможно. Но здѣсь я замѣтилъ нѣчто уже совершенно недоступное разуму: мальчики держали въ рукахъ хотя и графленную, но совершенно чистую бумагу, безъ черныхъ закорючекъ. Я долженъ былъ много подумать, прежде чѣмъ догадался, что нотные знаки помѣщены на той сторонѣ бумаги, которая обращена къ пою-

щимъ. Хоровое пѣніе я услышалъ впервые и оно мнѣ очень понравилось.

Вскорѣ послѣ этого мы снова переѣхали въ Суконную слободу, въ двѣ маленькія комнатки подвального этажа. Кажется, въ тотъ же день я услышалъ надъ головою у себя церковное пѣніе и тотчасъ же узналъ, что надъ нами живетъ регентъ и сейчасъ у него—спѣвка. Когда пѣніе прекратилось и пѣвчіе разошлись, я храбро отправился на верхъ и тамъ спросилъ человѣка, котораго даже плохо видѣлъ отъ смущенія,—не возьметъ ли онъ и меня въ пѣвчіе? Человѣкъ молча снялъ со стѣны скрипку и сказалъ мнѣ:

— Тяни за смычкомъ!

Я старательно „вытянулъ“ за скрипкой нѣсколько нотъ, тогда регентъ сказалъ:

— Голось есть. Я тебѣ напишу ноты,—выучи!

Онъ написалъ на линейкахъ бумаги гамму, объяснилъ мнѣ, что такое діезъ, бемоль и ключи. Все это сразу заинтересовало меня. Я быстро постигъ премудрость и черезъ двѣ всенощныя уже раздавалъ пѣвчимъ ноты по ключамъ. Мать страшно радовалась моему успѣху, отецъ остался равнодушень, но все-таки выразилъ надежду, что если я буду хорошо пѣть, то, можетъ быть, приработаю хоть рублевку въ мѣсяць, къ его скудному заработку. Такъ и вышло: мѣсяца три я пѣлъ бесплатно, а потомъ регентъ положилъ мнѣ жалованіе—полтора рубля въ мѣсяць.

Регента звали—Щербининъ, и это былъ человѣкъ особенный: онъ носилъ длинные, зачесанные назадъ волосы и синіе очки, что придавало ему видъ очень строгій и благородный, хотя лицо его было уродливо изрыто оспой. Одѣвался онъ въ какой-то широкой черный халатъ безъ рукавовъ, крылатку, на головѣ носилъ разбойничью шляпу и былъ немногорѣчивъ. Но, несмотря на все свое благородство, пиль онъ такъ же отчаянно, какъ и всѣ жители Суконной слободы, и, такъ какъ онъ служилъ писцомъ въ Окружномъ Судѣ, то и для него двадцатое число было роковымъ. Въ Суконной, больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ города, послѣ двадцатаго, люди становились жалки, несчастны, безумны, производя отчаянный кавардакъ съ участіемъ всѣхъ стихій и всего запаса матерщины. Жалко мнѣ было регента, и когда я видѣлъ его дико пьянымъ—душа моя болѣла за него.

Однажды прикащики купца Черноярова, устраивая по какому-то случаю вечеръ въ домѣ своего хозяина, предложили Щербинину дать имъ мальчиковъ—пѣвцовъ; регентъ выбралъ меня и еще двоихъ. Втроемъ мы стали ходить къ прикащикамъ на спѣвки; тамъ насъ угощали печеньемъ и чаемъ, въ который можно было класть сахара сколько душа желаетъ. Это было замѣчательно, потому что дома и даже въ трактирѣ, куда мы, мальчики, заходили между ранней и поздней обѣднями, чай

пить можно было только „въ прикуску“, а не „въ накладку“. А у прикащиковъ кладѣ сахара въ стаканъ хоть по пяти кусковъ. И сами они были ребята славные, говорили съ нами ласково, угощали радушно. На вечеръ къ нимъ явились какія-то важныя барыни, купцы, господа. Было свѣтло, радостно и вообще незнакомо мнѣ, хорошо. Мы спѣли тріо, которое начиналось словами:

— Мрачны ночи,...

— Смертны очи...

Помнится, это называлось „гимнъ Рождеству“. Вслѣдствіе какихъ то непонятныхъ причинъ хоръ Щербинина распался, и регентъ принужденъ былъ прекратить свою дѣятельность. Это, видимо, угнетало его, онъ запилъ еще жесточе. Пьяный, звалъ меня къ себѣ, бралъ скрипку, и втроемъ: онъ, скрипка и я, —мы пѣли, иногда—такъ хорошо, что даже плакать хотѣлось отъ какой то радости. I ослѣ этого онъ уходилъ въ кабакъ, а, возвращаясь, снова звалъ меня пѣть. Не помню, чтобы онъ говорилъ мнѣ что-либо значительное или училъ меня, но видимо, я ему нравился такъ же, какъ и онъ мнѣ. Это былъ человекъ одинокій, угрюмый, должно быть, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ русскихъ людей, которые страдаютъ молча и слишкомъ горды для того, чтобы жаловаться на судьбу. Однажды подъ вечеръ онъ позвалъ меня и сказалъ:

— Пойдемъ.

— Куда?

— Всенощную пѣть.

— Гдѣ? Съ кѣмъ?

— Вдвоемъ.

И мы пошли по буеракамъ, мимо кирпичныхъ сараевъ, на Арское поле *), въ церковь Варвары Великомученицы, гдѣ, и спѣли всю всенощную въ два голоса, дискантомъ и басомъ, а на утро въ той-же церкви пѣли обѣдню. Такъ, вдвоемъ, мы ходили пѣть по разнымъ церквамъ долго, до поры, пока Щербининъ не поступилъ въ Спасскій монастырь регентомъ архіерейскаго хора. Здѣсь я сталъ исполатчикомъ, получая уже не полтора, а шесть рублей въ мѣсяцъ. Это былъ большой заработокъ, а кромѣ того я зарабатывалъ на свадьбахъ, похоронахъ и молебнахъ. Деньги я долженъ былъ отдавать родителямъ, но, разумѣется, часть ихъ утаивалъ. Получивъ за похороны 1 руб. 20 коп., половину оставлялъ себѣ „на Яшку“, на сласти. Я наслаждался: какое великолѣпное дѣло пѣніе. И для себя огромное удовольствіе, да и деньги еще платятъ, —можешь ходить въ балаганъ, любоваться талантомъ Якова Ивановича Мамонова.

На Рождество я, какъ всѣ пѣвчіе, ходилъ „славить Христа“, хоромъ мы пѣли „Слава въ вышнихъ Богу“, концертъ

*) Дѣло было въ Казани.

Бортнянского, и трио „Мрачны ночи“. Это понравилось хозяевамъ, — намъ дали полтинникъ; спѣли въ другомъ мѣстѣ—получили шесть гривенъ и, такимъ образомъ, мы набрали за день рублей шесть. На Святки—хватить погулять.

Когда подходила Пасха, я рѣшилъ самъ написать трио, взявъ скрипку, нотную бумагу и сталъ сочинять трио на слова „Христоръ воскресе изъ мертвыхъ“. Какимъ образомъ я научился играть на скрипкѣ,—объ этомъ расскажу потомъ. Мелодію придумалъ довольно быстро; не особенно затрудняясь, приписалъ и второй голосъ, потому что въ моемъ представленіи онъ долженъ былъ идти обязательно въ терцію первому, но когда сталъ писать третій голосъ, образующій гармонію, то съ великимъ огорченіемъ услышалъ, что все у меня невѣрно, фальшиво. Я, конечно, не зналъ, что существуетъ квинтовый кругъ, не зналъ, тональностей и поэтому выставлялъ всѣ случайные знаки, діезы и бемоли передъ каждой нотой. Однако, наладивъ кое-какъ второй голосъ, сталъ писать третій. Провѣряю,—съ первымъ голосомъ басъ у меня сливается, а со вторымъ—не выходитъ рѣшительно ничего. Бился, бился, и, наконецъ, одолѣлъ таки всю премудрость,—написалъ трио; оно звучало довольно вѣрно, нравилось слушателямъ, и мы трое хорошо заработали „на Яшку“. Мой композиторскій опытъ я долго хранилъ, но все-таки онъ пропалъ.—

Ярославская разруха.

Къ вопросу о „компетентномъ контролѣ“.

Никакія общія разсужденія не могутъ столь убѣдительно обосновать ту или иную мысль, какъ факты, взятые изъ дѣйствительной жизни.

Прошлую свою статью „о компет. контролѣ“ (№ 2, 1916 г. наст. журн.) я закончилъ предупрежденіемъ перенести этотъ вопросъ въ область всего вообще церковно-пѣвческаго дѣла, разумѣя подъ этимъ, главнымъ образомъ, массу нашихъ церк.-пѣвческихъ хоровъ, гдѣ необходимость этого учрежденія настоятельно диктуется и бытовыми, и техническими и чисто музыкальными условіями всего дѣла. А вотъ и факты.

Въ Ярославлѣ не менѣе десяти лѣтъ управлялъ архіерейскимъ хоромъ безусловно знающій и талантливый регентъ о. В. Зиновьевъ—авторъ многихъ духовно-музыкальныхъ пьесъ.

Хоръ пѣлъ прекрасно—говорю это на основаніи личнаго впечатленія,—но вновь назначенному Владыкѣ это пѣніе по своему характеру („пошибу“) не понравилось.

Считаю лишнимъ вдаваться въ подробности этого конфликта. Всякое дѣло многогранно и часто одна сторона его, обращенная къ наблюдателю въ невыгодномъ освѣщеніи, бросаетъ тѣнь и на все дѣло.

Такъ или иначе, но конфликтъ окончился тѣмъ, что о. Зиновьевъ сложилъ съ себя званіе архіерейскаго регента и вмѣстѣ со всѣмъ хоромъ перешелъ за повышенную плату къ одной изъ приходскихъ церквей, гдѣ большая часть архіер. хора пѣла и раньше. (Вскорѣ послѣ того о. Зиновьевъ получилъ временное назначеніе въ дѣйствующую армію).

Получилось весьма неловкое положеніе: у правящаго архіерея не оказалось хора и въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ на архіерейскія службы пришлось приглашать то одинъ, то другой изъ мѣстныхъ частныхъ хоровъ.

Что-же касается вновь приглашеннаго регента, то на его долю (т. е. на мою) выпала трудная задача организовать новый хоръ при всѣхъ тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, какія создались благодаря войнѣ, т. е. при недостаткѣ людей, при вздорожаніи пѣвческаго труда и, главное, при старомъ окладѣ содержанія архіер. хора, тогда—какъ частные хоры въ Ярославлѣ стали получать чуть не удвоенную плату.

Вотъ здѣсь-то и сказала вся неорганизованность и случайность нашего церковно-пѣвческаго дѣла. Будь оно объединено и возглавлено хотя какой-нибудь организаціей, то развѣ могло-бы случиться, чтобы многими десятками лѣтъ созданное дѣло рухнуло въ одинъ моментъ, чтобы епархіальный архіерей оказался вынужденнымъ прибѣгать къ услугамъ частныхъ хоровъ, а выдающийся по талантности регентъ хватался за военный фронтъ, какъ за якорь спасенія.

Конфликты между регентами и хоросодержателями (архіер. дома, церковные старосты, настоятели церквей и т. д.) на почвѣ чисто музыкальной, т. е. на почвѣ характера исполненія и выбора репертуара-явленіе далеко не рѣдкое, такъ-какъ „о вкусахъ не спорятъ“. Въ этихъ случаяхъ приходится жалѣть лишь о томъ, что разрѣшеніе-то этихъ конфликтовъ носить чаще всего характеръ катастрофической, въ особенности для регента. На моей памяти много случаевъ, когда очень хорошіе регенты (считаю неудобнымъ называть фамиліи нынѣ здравствующихъ коллегъ; изъ покойныхъ-же укажу хотя-бы на исключительно даровитаго дирижера П. Н. Гордовскаго), очутившись безъ мѣста по причинамъ принципиальнаго свойства, вынуждены были мѣсяцами сидѣть у моря и ждать погоды, или-же распродавъ кое-какую домашнюю рухлядь, тащиться съ семьей за многія сотни верстъ въ чаюніи какого-либо подходящаго мѣстишка. Сколько страданій моральныхъ и физическихъ пережито при этихъ передвиженіяхъ, сколько горя принято и сколько нужныхъ силъ напрасно потрачено—говорить не приходится.

А между тѣмъ подобные конфликты не въ рѣдкость и во всякой другой области, только ликвидируются они совершенно по другому. Взять хотя-бы учебное вѣдомство: одинъ и тотъ-же учитель, скажемъ, классич. гимназіи, — при одномъ директорѣ является желаннымъ членомъ корпораціи, а при другомъ оказывается не вполне удовлетворяющимъ своему назначенію со стороны своихъ профессиональныхъ качествъ. Дѣло кончается тѣмъ, что учебный округъ (компетентный контроль) переводить этого учителя въ другую гимназію — только и всего.

Точно такъ-же, разумѣется, могъ-бы закончиться и Ярославскій конфликтъ, если-бы во главѣ регентскаго дѣла стояла какая-либо организація. Если-бы въ тотъ моментъ не оказалось въ прилегающемъ къ Ярославлю районѣ вполне свободнаго мѣста, подходящаго для о. З., то, весьма возможно, нашелся-бы въ этомъ районѣ такой регентъ, который согласился-бы помѣняться съ нимъ мѣстами, тѣмъ болѣе, что съ матеріальной стороны регентъ архіер. хора въ Ярославлѣ до катастрофы былъ обставленъ весьма и весьма недурно. Самъ о. З. предпринималъ кое-какіе шаги въ этомъ направленіи, но безъ центральной организаціи они не дали положительнаго результата. Кстати нѣсколько словъ о Ярославлѣ; здѣсь не перевелись еще любители-старосты приходскихъ церквей, которые изъ своихъ личныхъ средствъ затрачиваютъ на содержаніе хоровъ значительныя суммы отъ 3 до 12 т. руб. Изъ нихъ наиболѣе крупными хоросодержателями является: г.г. Вахрамѣевъ, Кузнецовъ, Маслениковъ и Сидоровъ. Послѣдній даже не состоить и старостой въ той церкви, гдѣ поетъ содержимый имъ хоръ.

Среди мѣстной публики замѣтенъ большой интересъ къ церковному пѣнію, чего не приходилось наблюдать въ южныхъ городахъ.

О самомъ пѣніи и музыкальномъ его уровнѣ до другого раза.

Θ. Владимірскій.

П. Д. Самаринъ.

12-го октября 1916 г. скончался на 54-омъ году Петръ Дмитріевичъ Самаринъ.

Лица, близко знавшія покойнаго, живо и ясно сознаютъ и чувствуютъ тяжесть понесенной утраты. Оставляя въ сторонѣ личныя свойства П. Д.-ча, какъ человѣка, необходимо сказать, что церковно-пѣвческій міръ лишился въ немъ дѣятеля, имѣвшаго большое значеніе. Съ этой стороны покой-

наго П. Д. Самарина знали лишь немногіе; но знавшіе никогда не могли отказать ему ни въ серьезности его отношеній къ вопросу о церковномъ пѣніи, ни въ глубокомъ и тонкомъ пониманіи имъ этого дѣла вообще, ни въ широтѣ специальной эрудиціи, ни въ положительной, притомъ весьма продуктивной, работѣ въ любимой имъ области.

Принадлежа къ роду знаменитыхъ Самариныхъ, П. Д-чъ больной порокомъ сердца и притомъ въ сильно-выраженной степени, не могъ проявить широкой дѣятельности, столь свойственной всѣмъ Самаринымъ, и потому какъ общественная сила былъ незамѣтнымъ, хотя умѣнія и знаній на то ему, собственно говоря, было не занимать-стать. Вынужденный старательно беречься отъ малѣйшихъ волненій, П. Д-чъ по-неволѣ и вполнѣ сознательно устранялъ себя отъ всего, что, по самому роду дѣла, неизбѣжно бываетъ связано съ видной общественной работой. Серьезно и весьма широко-образованный, онъ посвятилъ себя тихой кабинетной работѣ, львиную часть которой составляли его труды по вопросамъ церковной музыки. Вотъ это-то обстоятельство и побуждаетъ насъ къ тому, чтобы сказать теперь, въ виду его кончины, то, чего не позволяла своевременно обнаружить присущая П. Д-чу величайшая скромность, и умолчаніе о чемъ было бы теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, непростительнымъ. Церковно-пѣвческіе круги должны узнать, какъ и чѣмъ жила покойный Самаринъ и что значила его непрестанная, хотя и скрытая доселѣ, работа по вопросу о русскомъ церковномъ пѣніи.

П. Д-чъ былъ рѣдкостный „знатокъ“ *простого* церк. пѣнія, какихъ нелегко найти не только среди широкой публики, но и среди специалистовъ изо-дня въ день стоящихъ на этомъ дѣлѣ. Обычное осьмогласіе онъ зналъ изумительно—хорошо, и могъ лучше, чѣмъ кто-либо, разбираться въ достоинствахъ и недостаткахъ его многочисленныхъ вариантовъ и редакцій. Знаменное же пѣніе, или точнѣе говоря, манеру, съ какою оно должно быть исполняемо въ своемъ подлинномъ видѣ онъ зналъ особенно-тонко получивъ секретъ этого исполненія отъ одного стараго чѣловѣка, изъ числа тѣхъ „простецовъ“, какіе встрѣчаются теперь уже, какъ истинная рѣдкость,—по силѣ свой любви къ пѣнію и проникновенности въ его духъ и стиль, и какихъ лишь когда-то создавала теперь исчезнувшая, лѣсная русская глушь. Этотъ „простецъ“ былъ своего рода „сказитель“ былинъ и дух. стиховъ, которые еще не совсѣмъ, къ счастью, перевелись на Руси, изрѣдка находимые въ Олонецкихъ и Архангело-Вологодскихъ краяхъ, и по этому, по праву долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ „учителемъ“ въ области тѣхъ тонкостей и особенностей, знаніе которыхъ относительно знаменнаго пѣнія такъ настоятельно важно, но которое почти повсюду и навсегда прекратилось, постепенно стираясь и

исчезая из памяти людской. Эту сторону своих познаний и любви П. Д-чъ широко использовалъ, какъ главный редакторъ „Круга церковныхъ тѣснопѣтній обычнаго напѣва Московской епархіи“, изд. О-ва Люб. Ц. П. въ Москвѣ.

Чтобы судить о значеніи этого труда и самаго „Круга“, надо принять во вниманіе то, что въ 4-хъ выпускахъ этого изданія помѣщенъ исчерпывающій циклъ мелодій москов. напѣва, собранный и записанный съ голоса лучшихъ и маститыхъ знатоковъ церковнаго пѣнія, тщательно-просмотрѣнный и старательно-исправленный покойнымъ Самаринымъ почти единолично. Благодаря этому труду, Московскій напѣвъ, сохраняющій въ себѣ лучшія традиціи древне-русскаго пѣнія, теперь спасенъ навсегда не только отъ прямого искаженія и постепеннаго вырожденія, но даже и отъ случайнаго сліянія съ другими мѣстными напѣвами, благодаря которому онъ легко могъ бы утратить и свою чистоту и детальную точность, особенно цѣнную въ виду близости его къ древнимъ русскимъ распѣвамъ. Всякій, кому дорога „подлинность“ нашихъ церк. напѣвовъ, пойметъ, что работа П. Д-ча была велика по своему внутреннему значенію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эта работа и крайне неблагодарна, такъ какъ кропотливость, которой она требуетъ, лишена внѣшняго блеска; и со стороны кажется слишкомъ мелкой, незамѣтной, обидно-скромной. Записываніе и собираніе церк. мелодій отъ „старинныхъ дьячковъ“—какъ это далеко отъ яркой дѣятельности композитора, популярнаго исполнителя или даже извѣстнаго теоретика музыки! Надо слишкомъ сильно любить, глубоко сознавать важность дѣла, и въ то же время ничего не желать лично для себя—ни слова, ни простой извѣстности,—чтобы посвятить себя на долгіе годы такой мѣшкотной и не видной работѣ, какъ та, которую несъ П. Д-чъ, и онъ несъ ее, мало кому вѣдомый, какъ церковно-пѣвческій дѣятель, даже мало кому интереснѣй со своей любовью къ тонкостямъ и точностямъ охраняемаго имъ напѣва. Но результатъ такой работы—четыре толстыхъ выпуска „Круга“—самъ говорить за себя въ глазахъ людей, умѣющихъ цѣнить то, что эти томы содержатъ въ себѣ!...

Покончивъ съ записью и печатаніемъ мелодій моск. напѣва, П. Д-чъ задался цѣлью изложить эти мелодіи въ той гармонизаціи, какую создалъ практически московскій хоровой клиросъ, опять таки ради сохраненія лучшихъ традицій этого клироса. Здѣсь проявилась одна изъ основныхъ точекъ зрѣнія П. Д-ча на церковное пѣніе. Онъ находилъ, что „духъ церковности“ и прирожденный вкусъ истиннаго любителя способны очень сильно помогать въ отыскиваніи вѣрнѣйшихъ путей къ обнаруженію въ пѣніи его внутренней сущности. Поэтому практически—сложившаяся гармонизація церк. мелодій очень цѣнна и вполне заслуживаетъ записи ея, такъ какъ

въ ней лучше, чѣмъ въ искусственной обработкѣ, отразилось и чисто-русское пониманіе и истолкованіе церк. мелодій и та безхитростная простота, какою вообще должно отличаться обычное церковное пѣніе. Въ такомъ истолкованіи и такой простотѣ, по его взгляду, таится—съ одной стороны—надѣжная гарантія особой близости и родственности гармонизованнаго пѣнія чувству молящихся, съ другой—противовѣсь всяческимъ моднымъ увлеченіямъ въ области церковной композиціи. Плодомъ трудовъ П. Д-ча въ указанномъ отношеніи были 3 литографированныхъ выпуска „гласовыхъ мелодій, гармонизованныхъ для смѣш. хора“, куда вошли „воззвахи“, тропари, ирмосы, прокимны и догматики (знам. расп.) всѣхъ 8-ми гласовъ. Осторожный, какъ истинный ученый, П. Д-чъ, доотдачи своихъ записей въ литографію, просматривалъ ихъ десятки разъ, совѣтуясь то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ членовъ О-ва Л. Ц. П., компетенцію которыхъ въ этомъ дѣлѣ онъ имѣлъ основаніе признавать и цѣнить; и даже издалъ въ литографированномъ, а не гравированномъ видѣ только потому, что не былъ вполне увѣренъ въ безупречности работы. Онъ рассчитывалъ въ ближайшемъ будущемъ приступить къ окончательному редактированію этихъ гармонизацій, чтобы затѣмъ подсчитать ихъ и пустить въ общую продажу, но болѣзнь и затѣмъ смерть помѣшали этому намѣренію. Снова приходится сказать, что съ виду малозамѣтный трудъ по собиранію гармонизованныхъ „гласовыхъ мелодій моск. напѣва“—въ дѣйствительности отнюдь не малоцѣненъ: нашъ клиросъ самымъ существеннымъ образомъ нуждается въ такихъ сборникахъ, гдѣ бы имѣлось осьмогласіе, хорошо, т. е. практично, просто и доступно изложенное для хора.

Та же любовь къ простому церк. пѣнію, являющемуся, по взгляду П. Д-ча, *краеугольнымъ* въ дѣлѣ богослужебнаго, пѣнія, побуждала покойнаго прилагать очень много вниманія и всякихъ заботъ по содержанію и устройству организованныхъ Об-мъ Л. Ц. П. регентскихъ общедоступныхъ курсовъ въ Москвѣ. Задачей курсовъ, по настоянію П. Д-ча, была подготовка и даже прямое „воспитаніе“ такихъ регентовъ, которые хорошо-бы знали прежде всего и главнѣе всего русское осьмогласіе, любили бы его, знали бы его цѣну и умѣли бы въ своей дѣятельности дать ему на клиросѣ подобающее мѣсто. Широкое музыкально-теоретическое образованіе слушателей не входило въ расчеты П. Д-ча, такъ какъ оно открывало бы для учениковъ возможность „увлеченія“ на путь „искусства“, равносильный забвенію и пренебреженію подлинно-церковнымъ пѣніемъ, что нерѣдко приходится наблюдать въ дѣйствительности. Курсы существовали, при постоянной матеріальной поддержкѣ со стороны П. Д-ча, 8 лѣтъ, выпускная ежегодна по 10—20-ти „сельскихъ“ регентовъ. Со смертью П. Д-ча курсы едва-ли возродятся (въ 1916/17

уч. году они временно закрыты), т. к. не стало „души“ ихъ... При его-же содѣйствіи лѣтомъ 1914 года были основаны Об-мъ Л. Ц. П. лѣтніе регентскіе курсы въ Москвѣ, рассчитанные на три семестра. Война, вспыхнувшая неожиданно, заставила прервать эти курсы за 3 дня до ихъ окончанія, и она же помѣшала возобновить ихъ лѣтомъ 1915-го года. Большое и нужное дѣло было сорвано обстоятельствами, и если кто, то П. Д-чъ болѣе всѣхъ страдалъ за эту неудачу.

Въ чисто-теоретическомъ смыслѣ, П. Д-чъ очень многого ожидалъ для церковной музыки отъ раскрытія законовъ ея ритмики. Глубоко заинтересованный этимъ вопросомъ, онъ принялъ ближайшее участіе въ редактированіи и изданіи „Матеріаловъ по музыкальной ритмикѣ“ (см. III т., вып. I. Труды Музык.-Этнограф. Комиссіи О-ва любит. естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ), куда вошли „элементарный учебникъ муз. ритмики“ Ю. Н. Мельгунова съ замѣчаніями къ нему академика Ф. Е. Корша, „основное время“—статья Корша и отзывъ проф. Н. Д. Кашкина по поводу „учебника“ Мельгунова. Что ожиданія П. Д-ча по существу дѣла были вѣрны, это едва-ли требуетъ доказательства. Какъ ученый, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что ожиданія эти не могутъ быть легко и скоро осуществлены, такъ какъ самый предметъ ихъ требуетъ основательнаго и, слѣд., долговременнаго изученія: Онъ ждалъ и искалъ сотрудниковъ себѣ, но умеръ не дождавшись...

Не трудно замѣтить, что въ основѣ дѣла и взглядовъ П. Д-ча на церк. пѣніе лежалъ глубокой консерватизмъ. Однако, по отношенію къ духовно-музыкальному творчеству послѣднихъ лѣтъ у П. Д-ча не было огульнаго отрицанія. Онъ неразъ высказывался въ томъ смыслѣ, что церкви должно быть свойственно движеніе впередъ, и, въ частности, церк. пѣніе не можетъ остаться навсегда въ старыхъ, застывшихъ формахъ. Но церковное творчество должно быть тѣсно, органически связано съ церковной же традиціей, и новому слѣдуетъ вырастать изъ вѣками освященнаго. Новыя композиціи, что близки по духу и складу своему къ простымъ напѣвамъ, безспорно-церковны; болѣе рѣзко-разнящаяся отъ этого духа и склада, возможно, стануть, церковными, если „обще-церковное сознаніе приметъ ихъ“. Развивая послѣднюю мысль, П. Д-чъ говорилъ, что для такого „принятія“ необходимо „объединеніе вкусовъ“, и едва-ли достаточно одобренія однихъ знатоковъ и просвѣщенныхъ любителей. Дѣло въ томъ, что голосъ церкви не можетъ никѣмъ узурпироваться—ни большинствомъ „просвѣщенныхъ“, ни таковымъ же—болѣе низкой среды; онъ (голосъ Ц.) долженъ быть „выработанъ“, т. е. явиться плодомъ борьбы мнѣній тѣхъ и другихъ, пока не выяснится вполне и не перестанетъ сопровождаться разномысліемъ. „Время покажетъ, кто изъ новыхъ композиторовъ

церковень: имъ станетъ тотъ, кто приобрѣтетъ клиросную осѣдлость,—невозможную безъ постепеннаго покоренія себѣ общихъ симпатій“.

П. Д-чъ длинный рядъ годовъ состоялъ членомъ совѣта О-ва Л. Ц. П., и вмѣстѣ товарищемъ предсѣдателя. Эти званія онъ несъ съ совершенно-исключительной добросовѣстностью и искренностью, рѣдко-наблюдаемой среди членовъ какого-либо об-ва. Онъ былъ по-истинѣ „любителемъ“ церк. пѣнія, которому отдавалъ и немалыя денежныя средства, и очень много труда и времени, и даже всю свою душу. Нашъ долгъ съ благодарнымъ чувствомъ помянуть „любящую“ церк. пѣніе, тихую и скромную „душу“ покойнаго Петра Дмитриевича Самарина, который оставилъ для насъ наслѣдство—по виду малозамѣтное, но по существу же—весьма и глубоко-цѣнное!

А. Никольскій.

По Кіевскимъ хорамъ.

Эвакуированный въ тылъ съ фронта для леченія болѣзни, вслѣдствіе раненія, я провель недавно болѣе мѣсяца въ г. Кіевѣ.

Какъ любитель пѣнія, и имѣя нѣкоторое отношеніе къ церковно-музыкальной литературѣ (хотя и самой скромной) я, конечно, все свободное время удѣлилъ посѣщенію храмовъ во время Богослуженій, ознакомился съ постановкой церковныхъ хоровъ и исполняемымъ ими репертуаромъ.

Весьма грустное и безотрадное впечатленіе вынесъ я, въ этомъ отношеніи, посѣтивъ два—три раза Софійскій соборъ (регентъ извѣстный, пожалуй, всей Россіи—Я. Калишевскій).

Конечно, въ настоящую тяжелую годину очень трудно имѣть въ хорѣ хорошіе мужскіе голоса, но во всякомъ случаѣ, даже и съ самымъ примитивнымъ мужскимъ вокальнымъ матеріаломъ при наличіи въ хорѣ отличнаго женскаго вокальнаго матеріала,—вполнѣ возможно придавать хоровому пѣнію хотя долю художества, и, въ тоже время, изыять на всегда изъ репертуара допотопныя „партесныя“ сочиненія!

Во Владимірскомъ соборѣ (регентъ Надеждинскій) поютъ лучше, чѣмъ въ Софійскомъ, но въ свою очередь на ряду съ исполненіемъ изрѣдка произведеній корифеевъ нашей церковно-музыкальной литературы, исполняются также допотопныя музыкально-безграмотныя произведенія; небрежность же при исполненіи нѣкоторыхъ обиходныхъ пѣснопѣній зачастую положительно возмутительная.

Въ Михайловскомъ монастырѣ, Кіево-Печерской Лаврѣ,

мнѣ не удалось услышать смѣшанный хоръ; что же касается пѣнія монашескаго хора, то оно представляет собою сплошной крикъ, доходящій до рева.

Въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ былъ я нѣсколько разъ, внимательно прислушиваясь къ характеру пѣнія пѣвчихъ — клирошанъ; отсутствіе низкихъ голосовъ конечно не даетъ полнаго аккорда при исполненіи произведеній, написанныхъ для смѣшанныхъ хоровъ, но тѣмъ не менѣе строй въ хорѣ есть и зачастую довольно удачно исполняются хоромъ произведенія авторовъ новаго направленія, что уже невольно заставляетъ обращать на себя вниманіе.

Совсѣмъ таки не дурно, а иногда и хорошо поетъ маленькій смѣшанный хорикъ въ Александро-Невской дворцовой церкви (регентъ П. Гончаровъ), Гончарова я лично знаю, какъ весьма талантливаго человѣка и свѣдущаго въ музыкально-пѣвческомъ дѣлѣ, и поэтому не мудрено, что хоръ поетъ хорошо и его нотный репертуаръ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Свѣтлымъ явленіемъ на фонѣ Киевской церковно-пѣвческой нивы является хоръ пѣвчихъ церкви военнаго госпиталя, во главѣ съ офицеромъ-регентомъ г. Татаренко.

Вокальные средства нѣкоторыхъ пѣвцовъ (женщины и мужчины) настолько хороши, что могли бы быть украшеніемъ любого профессиональнаго столичнаго церковнаго хора (положимъ, что среди пѣвчихъ нижнихъ чиновъ имѣются два—три хориста Киевской оперы). Нотный репертуаръ хора обширенъ, при чемъ регентъ удѣляетъ больше вниманія авторамъ новаго направленія, что уже знаменательно.

Что же касается вообще пѣнія хора, то безъ преувеличенія можно сказать, что хоръ поетъ художественно, создавая среди богомольцевъ — страдальцевъ за Вѣру, и Отечество, истинное умиленное настроеніе, такъ необходимое для духовной поддержки ихъ.

И. Т.

Извѣстія и замѣтки.

Православное *Грузинское церковное пѣніе* не разъ привлекало къ себѣ вниманіе нашихъ духовныхъ композиторовъ, которые дали рядъ интересныхъ изложеній и полной Литургии, и отдѣльныхъ пѣснопѣній. Н. С. Кленовскій, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, А. Д. Кастальскій и др. своими работами внесли характерные грузинскіе мотивы въ наше русское церковное пѣніе. Восточный оттѣнокъ грузинскихъ напѣвовъ, ихъ несомнѣнная древность и — потому — извѣстная близость къ

нашему древнему пѣнію, — обезпечиваютъ и въ дальнѣйшемъ неизбѣжность сближенія между ними. Съ этой точки зрѣнія представляется немаловажнымъ учрежденіе въ Петроградѣ самостоятельнаго грузинскаго прихода, въ храмѣ котораго будетъ раздаваться хоровое грузинское пѣніе. Надо пожелать только, чтобы оно было поставлено на должную высоту во всѣхъ отношеніяхъ и тѣмъ заслужило внимательное отношеніе со стороны нашихъ духовныхъ композиторовъ.

Въ англійскомъ журналѣ „The Music Student“, издающемся въ Лондонѣ, за декабрь 1916 г. напечатана обстоятельная статья о русской церковной музыкѣ, а въ Глазго органистомъ при университетѣ А. Henderson'омъ прочитана лекція на ту-же тему.

Такъ какъ должность учителя пѣнія во второклассной школѣ не штатная, то учитель пѣнія, по офиціозному разъясненію, долженъ разсматриваться, какъ лицо вольно-наемное, почему за нимъ, въ случаѣ его призыва на дѣйствительную военную службу, не можетъ быть сохраняемо жалованье. Обезпеченіе семьи его, если таковая имѣется на его иждивеніи, должно производиться на основаніи закона относительно вольнонаемныхъ служащихъ въ центральныхъ и мѣстныхъ установленіяхъ (9 авг. 1914 г.), т. е. за счетъ военного фонда. Равнымъ образомъ на Совѣтѣ второклассной школы не лежитъ обязанности сохранять дополнительный заработокъ, получавшійся симъ учителемъ изъ мѣстныхъ средствъ.

Въ Житомирѣ, Волинск. г., въ концѣ декабря пр. г., по сообщенію мѣстной газеты, хорошо прошелъ вечеръ колядокъ. Довольно обширный залъ съ трудомъ вмѣстилъ собравшуюся публику. Смѣшанный хоръ подъ руководствомъ Н. Н. Бернатовича уже два года съ большимъ успѣхомъ культивируетъ народныя колядки. Въ программу вошло 15 колядокъ, изъ нихъ нѣкоторыя повторялись на bis. Колядки, вполне сохраняя народный и церковный характеръ, представляютъ въ то же время и чисто музыкальный интересъ. Особой гармонической свѣжестью вѣяло отъ колядокъ въ гармонизаціи Стеценка и Лисенка. Въ пѣснѣ „На Ерданьской ріці“ господствуетъ религіозный стиль, но благодаря изысканности ея модуляціонныхъ оборотовъ она приобретаетъ характеръ баллады. Вечеръ колядокъ представлялъ громаднй интересъ: онъ раскрылъ передъ слушателями довольно забытую страницу религіозныхъ переживаній. Исполненіе колядокъ отличалось художественностью. Несмотря на неблагоприятныя условія настоящаго времени, хоръ Н. Н. Бернатовича не только не прекратилъ своей дѣятельности, но продолжаетъ прогрессировать. — Въ январѣ концертъ былъ повторенъ. — Спеціальнй концертъ колядокъ организованъ былъ также въ Кіевѣ. — Всѣмъ учащимся средне-учебныхъ заведеній попечителемъ кіевского учебнаго округа было разрѣшено посѣщеніе концерта—колядокъ.

Въ январѣ въ Императорскомъ Московскомъ археологическомъ институтѣ Имени Императора Николая II состоялось утро древне-русской пѣсни, которое привлекло много любителей родной старины и въ частности русскаго фольклора. Выступали съ сообщеніемъ о своихъ пѣсенныхъ экскурсіяхъ въ Приднѣпровье и въ Приунжье С. П. Колосовъ и Н. Н. Лаврова, за трудами которыхъ Академіей Наукъ признана научная цѣнность. Г-жа Лаврова, бывшая драматическая артистка, посвятила себя главнымъ образомъ изученію „поводырства“, очень слабо разработаннаго въ нашей пѣсенной литературѣ.

Вся наша древняя пѣсня, — по словамъ С. П. Колосова, — представляетъ или безхитростныя сказанія былиннаго характера, разукрашенная народной фантазіей, или духовные и духовно-бытовые, а также обрядовые стихи, причѣмъ сѣверъ еще до сихъ поръ сохраняетъ свою самобытную мелодію, обряды, причитанія, „вои“, тогда какъ Приднѣпровье носить замѣтные слѣды вліянія юга и Бѣлоруссіи. Древняя русская пѣсня сохраняется еще среди поводырей, слѣпцовъ, такъ называемыхъ „Божіихъ людей“ и стариковъ, въ удаленныхъ отъ фабрикъ, заводовъ и желѣзныхъ дорогъ мѣстахъ и съ теченіемъ времени, несомнѣнно, должна исчезнуть съ появленіемъ фабричной частушки и гармоникки. Свое сообщеніе докладчикъ иллюстрировалъ вмѣстѣ съ г-жей Лавровой записанными ими пѣсенными матеріалами, исполненными въ сопровожденіи гуслей-псалтири. Между прочимъ исполнены были: 1) Духовный стихъ Приунжья про Ѳедора Тироника, который академикъ Перетцъ призналъ былинной; 2) духовный стихъ Приднѣпровья „Камень драгій,“; 3) духовно-бытовой стихъ „Поминовеніе“, записанный у стѣнъ одного монастыря въ Смоленской губерніи. 4) очень популярный теперь стихъ „о св. Егоріи“; 5) пѣсенка „Волочобная“ — „Ходилъ Христось“, записанная въ гор. Ельнѣ; 6) стихъ про „Голубинную книгу“; 7) обрядовая свадебная по истокамъ Десны, со словъ „начинателя“ Ефрема Самойловича, безъ котораго не обходится здѣсь ни одна свадьба; наука ручается, что этой мелодіи не менѣе 1000 лѣтъ; 8) дѣвичья хороводная Костромской губ. — „Дѣвки ходьбамъ ходили“, замѣчательная по мелодіи; здѣсь выводятся два богатыря — Илья и Самсонъ-Муравей; 9) обрядовая купальная (подъ Ивана Купалу) пѣсня про медуницу-травушку, любимый цвѣтокъ дѣвушекъ; 10) бесѣдно-шуточная пѣсня про счастливую Катюшу, у которой были три дочери Катерюши; здѣсь чередуется сказъ съ мелодіей, и, наконецъ, 11) „Самокатъ“, какъ образецъ привнесенія новыхъ фабричныхъ вѣяній, дальше котораго собиратели древнихъ пѣсенныхъ матеріаловъ не идутъ.

(„Моск. Вѣд.“)

Высокопреосвященный митрополитъ Московскій, передъ приближеніемъ великаго поста обратился къ духовенству съ предложеніемъ объ особомъ наблюденіи за церковнымъ пѣніемъ во время богослуженій. Въ разосланныхъ по этому поводу правилахъ, между прочимъ, говорится, что уставное пѣніе должно употребляться предпочтительно предъ партеснымъ. Переложенія съ древнихъ церковныхъ напѣвовъ

должны быть предпочтительны собственнымъ сочиненіямъ композиторовъ. Произведенія съ оттѣнкомъ свѣтскаго концертнаго пѣнія не должны быть допускаемы. Вездѣ, гдѣ возможно, общеизвѣстныя пѣснопѣнія должны исполняться всенародно подъ руководствомъ кого-либо изъ клириковъ. Для облегченія организациі церковно-приходскихъ хоровъ предлагается псаломщикамъ посѣщать регентскіе курсы при Московскомъ обществѣ любителей церковнаго цѣнія.

22 дек. 1916 г. открыто Хоровое Общество въ Нижнемъ-Новгородѣ. На состоявшемся въ городской думѣ засѣданіи по этому случаю предсѣдатель Общества, Д. В. Сироткинъ, произнесъ краткую рѣчь, въ которой указалъ на слабое развитіе музыки и пѣнія въ Нижнемъ.

Учащаяся молодежь идетъ въ нѣмые кинематографы и тамъ интересуется всевозможными уголовными романами. А между тѣмъ музыка и пѣніе имѣютъ благостное вліяніе. Музыку и пѣніе, по словамъ Д. В. Сироткина, города будущаго должны поставить на должную высоту.

Если небольшіе города Финляндіи организовали музыкальныя общества, то Нижній — богатый, всегда щедро отзывавшійся на различныя организациі, несомнѣнно и на этотъ разъ широко отзовется на благой починъ, закончилъ свою рѣчь Д. В. Сироткинъ.

В. А. Булычевъ, говоря „о задачахъ и значеніи нижегородскаго хорового общества“, указалъ, что общество это имѣетъ своей цѣлью устройство спеціально концертнаго художественнаго смѣшаннаго хора, способнаго на художественное исполненіе произведеній русской и иностранной духовной и свѣтской музыки. Но такъ какъ на подготовленность участниковъ хора разсчитывать трудно, то прежде всего должна быть создана школа съ 3-хъ годичнымъ обученіемъ. Позднѣе, когда вокальное образованіе будетъ уже достаточно поставлено, цѣлью общества должно сдѣлаться созданіе симфоническаго оркестра. Въ Нижнемъ, по словамъ В. А. Булычева, любятъ музыку чрезвычайно и несомнѣнно городъ богатъ музыкальными людьми.

Въ отвѣтъ на сомнѣнія въ своевременности основанія нижегородскаго хорового общества, высказывавшіяся въ обществѣ, В. А. Булычевъ сказалъ, что новое общество организуется не для того, чтобы пѣсни распѣвать, а для того, чтобы учиться музыкѣ и исполнять великихъ композиторовъ и тѣмъ самымъ способствовать развитію духовной культуры общества.

Въ составъ новаго о-ва входятъ члены учредители и члены соревнователи. Члены учредители вносятъ ежегодно въ кассу о-ва 100 руб., члены соревнователи 10 руб. Члены соревнователи правомъ голоса на общемъ собраніи не пользуются, но зато имѣютъ право бесплатнаго посѣщенія всѣхъ закрытыхъ публичныхъ собраній и музыкальныхъ исполненій о-ва, а также право бесплатнаго обученія въ школѣ о-ва.

Дѣйствительныхъ членовъ въ о-во вступило 25 человѣкъ, членовъ соревнователей около 50 человѣкъ.

Въ Москвѣ Совѣтъ благочинныхъ приступаетъ къ осуществленію въ высшей степени необходимаго дѣла, за которое давно слѣдовало бы взяться у насъ повсюду. Совѣтъ постановилъ: а) ходатайствовать предъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ о разрѣшеніи войти въ Наблюдательный совѣтъ церковнаго пѣнія при Московскомъ Синодальномъ училищѣ съ особымъ представленіемъ объ организациі фактическаго контроля за церковно-пѣвческими хорами въ Москвѣ; б) просить владыку митрополита о назначеніи въ Наблюдательный совѣтъ особаго представителя отъ духовенства изъ состава совѣта благочинныхъ г. Москвы; в) разрѣшить открыть послѣ пасхи въ г. Москвѣ церковно-пѣвческіе и вмѣстѣ миссіонерскіе курсы для псаломщиковъ и діаконовъ г. Москвы, съ обязательнымъ преподаваніемъ церковнаго чтенія; г) образовать особое церковно-пѣвческое общество съ постояннымъ хоромъ изъ діаконовъ, псаломщиковъ, и, если послѣдуетъ согласіе епархіальнаго училищнаго совѣта, изъ учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ г. Москвы.

Въ Рыбинскѣ, Яросл. губ., въ декабрѣ прошлаго года не могъ состояться духовный концертъ хора Тюремной церкви, пріобрѣвшаго извѣстность въ городѣ среди любителей пѣнія. Какъ это ни странно, а въ дѣйствительности не нашлось въ городѣ помѣщенія! Хоръ приготовилъ инертную программу потратилъ не мало времени и труда, а концерта дать не имѣлъ возможности.

Первое Сибирское хороѣе общество въ Томскѣ, испытывая крайнюю нужду въ средствахъ, обратилось въ городскую управу съ просьбой оказать возможную матеріальную поддержку. Ходатайство свое Общество основываетъ на томъ соображеніи, что основная цѣль Общества, — широкое распространеніе музыкально-пѣвческаго искусства, — должна быть близка интересамъ города, что свои выступленія Общество организуетъ для широкихъ массъ населенія.

Въ январѣ происходилъ съѣздъ представителей русскихъ консерваторій, посвященный вопросамъ улучшенія преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ и учебной организациі. Между другими былъ заслушанъ докладъ Н. Д. Кашкина объ учрежденіи новыхъ кафедръ въ консерваторіяхъ: новѣйшей гармоніи, ритма, русской художественной и старинной народной музыки, а также прикладной музыкальной эстетики. Съѣздъ не вынесъ окончательныхъ постановленій, а рѣшилъ затребовать отзывъ художественныхъ совѣтовъ Консерваторій по вопросамъ докладовъ.

Сколько расходуетъ на канторовъ и хоръ Петроградская еврейская община? На этотъ вопросъ позволяютъ дать точный отвѣтъ свѣдѣнія „Хроники Муз. Совр.“, о томъ, что по смѣтѣ 1917 г. назна-

чено: оберъ-кантору — 6000 р., кантору — 2400 р., дирижеру — 3000 р., хористамъ — 10,000 р., мальчикамъ-хористамъ — 4400 р. съ прибавками по случаю дороговизны въ 35⁰/₀, а всего — 158.847 р.

По вопросу объ участіи прихожанъ въ организаціи и поддержкѣ церковныхъ хоровъ не такъ давно была напечатана очень дѣльная статья свящ. Ѳ. Журавскаго въ „Витебскомъ Вѣстникѣ“. Считаемо не лишнимъ познакомить съ ея содержаніемъ и нашихъ читателей, такъ какъ вопросъ этотъ начинаетъ пріобрѣтать все большую остроту и по мѣстамъ приходится даже нерѣдко къ благополучному разрѣшенію.

Въ настоящее время, гов. о. Журавскій, при каждой церкви, во всѣхъ приходахъ, возможно имѣть свой собственный хоръ, потому что въ приходахъ имѣется по нѣсколько училищъ, грамотныхъ много, а изъ сотенъ людей, могущихъ пѣть, легко можно выбрать десятки лучшихъ голосовъ для церковнаго хора.

Трудно только сначала завести при церкви хоръ, нуженъ для этого способный человѣкъ, а потомъ, когда все наладится, настойчиво поддерживать заведенное дѣло и пойдетъ само собой и пѣвчіе найдутся и регенты будутъ свои.

Обыкновенно устройство церковныхъ хоровъ сваливаютъ на одного псаломщика, требуютъ, чтобы онъ собиралъ пѣвчихъ, обучалъ ихъ пѣнію и управлялъ бы хоромъ. По моему мнѣнію несправедливо всю организацію хоровъ требовать отъ одного псаломщика, въ этомъ должны участвовать всѣ прихожане и прежде всего учителя и учительницы всѣхъ въ приходѣ школъ, съ своими питомцами.

Участіе прихожанъ должно состоять въ томъ, что они обязаны содержать хоръ и давать пѣвчихъ такимъ порядкомъ, чтобы пѣвчіе переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ родовое наслѣдство, одного выпуска ученики смѣнялись бы другимъ. Такая постановка церковныхъ хоровъ и быть должна при каждомъ храмѣ. Народъ жаждетъ церковнаго пѣнія всеобщаго и справедливо недоволенъ, что народныя школы не обучаютъ дѣтей чтенію и пѣнію въ церкви, какъ это было недавно въ Ильинѣ.

Надо помнить, что оживленіе нашей приходской жизни можетъ быть только на церковной почвѣ, по завѣтамъ Евангелія, св. отеческихъ преданій и добрыхъ обычаевъ св. Руси, а потому для блага народнаго школа должны работать въ помощь церкви и подъ ея руководствомъ.

Будемъ надѣяться, что дѣятели народнаго просвѣщенія Ильинскаго прихода откликнутся на требованіе времени и народа, съ охотою и любовію начнутъ пѣть и читать на церковныхъ богослуженіяхъ совместно съ своими питомцами.

Наступаетъ время всеобщаго обученія, должно быть и всеобщее народное пѣніе, а потому учителя и учительницы народныхъ училищъ не въ правѣ уклоняться отъ этого общаго дѣянія.

Архіеп. Арсеній новгородскій на одномъ изъ отчетовъ о. о. наблюдателей за преподаваніемъ Закона Божія положилъ слѣдующую резолюцію:

„По вопросу о пѣніи церковномъ въ гражданскихъ школахъ считаю необходимымъ вновь напомнить свою резолюцію отъ 1913 года, гласящую: „Благочинническимъ совѣтамъ вмѣняется въ обязанность озаботиться, чтобы во исполненіе неоднократныхъ предписаній епархіальнаго начальства неперемѣнно поручалось кому-либо изъ членовъ клира преподаваніе церковнаго пѣнія въ начальныхъ школахъ тамъ, гдѣ это не могутъ сдѣлать сами учащіе сихъ школъ.“

На будущее время при справкахъ о псаломщикахъ должно домѣчать, занимаются ли они — и съ какимъ усердіемъ — пѣніемъ въ школахъ.

Въ земскихъ школахъ пермскаго уѣзда, помимо обученія грамотѣ, практикуется обученію пѣнію. Въ прошломъ году пѣніе преподавалось въ 125 школахъ, что составляетъ 57,3% всѣхъ школъ. Пѣніе преподавалось: въ 6 школахъ священниками, діаконами въ 14, псаломщиками въ 12, учительницами въ 88 и разными лицами въ 5 школахъ. Всего въ теченіе года было дано 5038 уроковъ, въ среднемъ по 40 уроковъ на школу и преподавателя. За преподаваніе пѣнія земство платило отъ 30 до 50 коп. за урокъ. Теперь такая плата стала безусловно низкой. Въ Перми и заводахъ пришлось увеличить поурочную плату до 75 коп. На будущій годъ на это дѣло земствомъ ассигновано 2500 рублей.

Св. Синодъ, признавая справедливымъ назначить дополнительное, по случаю дороговизны, *вознагражденіе учителямъ и учительницамъ тѣмъ* въ тѣхъ второклассныхъ школахъ, гдѣ преподаваніе этого предмета ведется не кѣмъ-либо изъ штатныхъ учащихся, которые уже получаютъ прибавку къ содержанію въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ годовыхъ окладовъ, а особо приглашенными для сего лицами за штатное вознагражденіе 200 руб. въ годъ, постановилъ отпустить по § 10 ст. 2 смѣты Св. Синода въ распоряженіе подлежащихъ уѣздныхъ отдѣленій епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, необходимой суммы для выдачи дополнительнаго вознагражденія за 1916 г. особымъ учителямъ и учительницамъ пѣнія второклассныхъ школъ въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ ихъ годового оклада, т. е. по 66 р. 67 к. каждому.

Имѣетъ ли право псаломщикъ отказаться преподавать церковное пѣніе въ церковно-приходской школѣ и пѣть съ учениками въ церкви, если за трудъ не положено вознагражденія? — Официальный отвѣтъ гласитъ: „Обязанность преподаванія пѣнія, какъ общеобязательнаго предмета, лежитъ на учащемъ (учителѣ и учительницѣ). Если же по мѣстнымъ условіямъ епархіальнымъ начальствомъ признано необхо-

димымъ преподаваніе церковнаго пѣнія возложить на псаломщика, то онъ не имѣетъ права отказаться отъ преподаванія.“

Общество распространія игры на народныхъ инструментахъ и хорового пѣнія въ началѣ года открыло курсы для воиновъ-инвалидовъ въ Петроградѣ.

На курсы записалось 40 человекъ инвалидовъ (изъ коихъ 20 поселились въ общежитіи при курсахъ) и около 20 человекъ стороннихъ слушателей. Курсы разсчитаны на 4-мѣсячный срокъ и имѣютъ цѣлю подготовить инструкторовъ, способныхъ руководить устройствомъ и управленіемъ великорусскимъ оркестромъ, церковнымъ и свѣтскимъ хоровымъ пѣніемъ. На курсы принимаются бесплатно лица обоего пола, одаренныя музыкальными способностями, грамотныя, христіанскаго вѣроисповѣданія, располагающія свободнымъ временемъ для ежедневныхъ занятій на курсахъ отъ 9—1 час. дня и 5—7 час. веч. до 1 мая сего года. Пріемъ на курсы продолжается.

По сообщеніямъ газеты „Новый Міръ“, выходящей на русскомъ языкѣ въ г. Буэносъ-Айресь, въ Америкѣ, нѣсколько времени тому назадъ по инициативѣ редакціи газеты образовалось русское музыкальное общество „Новый Міръ“.

Приступая къ организаціи его, редакція, конечно, надѣялась на то, что молодежь со свойственной ей чуткостью къ такого рода замысламъ тепло отзовется на призывъ. Но уже въ первые дни успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. На приглашеніе редакціи, рѣшившей на первыхъ порахъ ограничиться организаціей русскаго хора, отозвалось съ энтузіазмомъ большое число молодыхъ людей, съ прекрасными голосами, съ музыкальнымъ образованіемъ, и, главное, съ горячей любовью къ дѣлу.

Воодушевленные идеей созданія хора, участники его уже съ первыхъ спѣвокъ доказали возможность существованія въ далекой колоніи этого симпатичнаго учрежденія.

Въ Тамбовѣ организовано и открыло уже свои дѣйствія губернское отдѣленіе Всероссийскаго Общества распространія хорового церковнаго и свѣтскаго пѣнія. Въ январѣ состоялось собраніе членовъ учредителей, избравшее предсѣдателемъ отдѣленія П. Н. Богдашева и товарищемъ предсѣдателя Г. А. Позднякова. Въ собраніи присутствовали около 50 ч. мѣстныхъ хоровыхъ дѣятелей, учителей и учительницъ пѣнія и др.

„Тамбовскій Земскій Вѣстникъ“ по поводу возобновившихся въ провинціи концертовъ хора „народно-пѣвческой капеллы“ подъ управленіемъ Ю. Д. Агренева-Славянскаго очень кстати и очень справедливо

пишетъ: всякій разъ, когда назначается концертъ хора подъ управленіемъ Славянскаго-сына, двѣ трети посѣтителей концерта составляютъ людей „невѣдающихъ“. Они идутъ слушать того Славянскаго, который вполне заслуженно прогремѣлъ на всю Россію и котораго теперь уже нѣтъ въ живыхъ. Каково же бываетъ разочарованіе этой части публики, когда она, слушая *хоръ* подъ управленіемъ *Славянскаго*, убѣждается въ томъ, что кто-то ее обманулъ: или хоръ не тотъ, или все, что ей приходилось слышать о хорѣ Славянскаго значительно преувеличено. Нѣтъ, хоръ Славянскаго пользовался вполне заслуженной славой, но только — хоръ Дмитрія Александровича Агренева-Славянскаго, а не Юрія Дмитріевича. Хоръ Юрія Дмитріевича Агренева-Славянскаго состоитъ изъ 18-ти человѣкъ. Голоса слабые, сильныхъ — ни одного. Въ одномъ, правда, нельзя отказать хору — организованъ онъ хорошо, поютъ стройно. Но далеко, конечно, *этому* хору до существовавшаго когда-то хора старика-Славянскаго.

Законоучитель Екатеринбургской мужской гимназіи, кандидатъ богословія священникъ Алексѣй Игнатьевъ утвержденъ въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Богослужбное пѣніе православной русской Церкви съ конца XVI до начала XVIII вѣка по крюковымъ и нотнo-линейнымъ пѣвчимъ рукописямъ Соловецкой бібліотеки. (Въ связи съ краткимъ очеркомъ древней богослужбной музыки и пѣнія и обзоромъ русской литературы о богослужбномъ пѣніи). Казань 1916 года.“

28-го апрѣля въ Петроградѣ открыто образовательно-просвѣтительное и духовно-музыкальное братство діаконовъ и псаломщиковъ. Братство устраиваетъ настоящимъ лѣтомъ регентскіе и пѣвческіе курсы въ Петроградѣ.

Демократическій союзъ православнаго духовенства и мірянъ въ цѣляхъ церковной демократизаціи выставляетъ требованіе упрощенія состава богослуженія и приближенія его къ народному пониманію; привлеченіе мірянъ къ совершенію богослуженія въ качествѣ пѣвцовъ.

А. Д. Кастальскій готовитъ къ изданію Пѣснопѣнія Страстной седмицы и Св. Пасхи. — Н. Н. Черепнинъ написалъ вторую Литургію, которая въ скоромъ времени появится въ свѣтъ.

По вопросу о новомъ гимнѣ правильную точку зрѣнія высказалъ А. К. Глазуновъ. Онъ сказалъ: я нахожу, что съ гимномъ, какъ и вообще съ вопросами искусства, слѣдуетъ подождать. Въ частности

же, мнѣ думается, что новый гимнъ нашъ долженъ быть написанъ въ русскомъ стилѣ и одинаково доступенъ для пониманія всѣмъ народамъ міра. Прежній гимнъ — не является по моему образцомъ національнаго творчества, русскаго въ немъ мало. Характеръ русскаго гимна долженъ быть выдержанъ въ стилѣ хоромъ Римскаго-Корсакова, въ стилѣ народныхъ пѣсень, а для этого необходимо ознакомиться хорошо съ художественными образцами русской пѣсни.

Одобрень и вошелъ въ силу съ 1-го янв. 1917 г. законъ о пятилѣтнихъ прибавкахъ къ содержанію и пенсіямъ служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства М. Н. П.

Установлены четыре пятилѣтнія прибавки къ содержанію. Правомъ на прибавки пользуется въ каждомъ учебномъ заведеніи одинъ учитель, или учительница пѣнія, если они даютъ не менѣе шести уроковъ въ недѣлю и получаютъ содержаніе въ размѣрѣ не менѣе 300 руб. въ годъ.

Прибавки устанавливаются въ 60 руб. каждая — и притомъ только для учителей, пріобрѣвшихъ право на преподаваніе пѣнія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пенсія — 300 руб. по выходѣ въ отставку.

Учителямъ и учительницамъ пѣнія, находящимся на службѣ въ женскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и др. среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ко времени введенія въ дѣйствіе настоящаго закона и неимѣющимъ образованія или учительскаго званія, дающихъ право на прибавки и пенсію по настоящему закону, присвоены права на четыре пятилѣтнія прибавки въ 60 руб. каждая и на пенсіи изъ оклада въ 300 руб.

Новыя книги и музыкальныя сочиненія.

Лебедевъ, В. Вл. св. *Знаменный распѣвъ, какъ основа пѣнія православной русской церкви.* Ч. 1-я Мелодическое пѣніе церкви вселенской. Ч. 2-я Мелодическое (одноголосное) пѣніе церкви русской. — Изъ уроковъ, читанныхъ въ Тамбовской Духовной Семинаріи. — Тамбовъ, 1917 г. Стр. 1—118+18 нен.

Безотрадное впечатлѣніе производятъ эти уроки, читанные въ Тамбовской Духовной Семинаріи священникомъ В. Вл. Лебедевымъ и посвященные „Высокопреосвященнѣйшему Кириллу, Архіепископу Тамбовскому и Шацкому“. Подъ предлогомъ „введенія“ изъ 118 стр. всей книги, трактующей о „знаменномъ распѣвѣ, какъ основѣ пѣнія православной русской церкви“, цѣлыхъ 58 стр. отведено рѣчамъ о „мело-

дическомъ пѣніи церкви вселенской“ съ запутаннымъ изложеніемъ теоретическихъ свѣдѣній о древне-греческихъ классическихъ ладахъ и системахъ, гдѣ одна выдержка изъ подходящихъ сочиненій безцѣльно громоздится на другую. Давать — въ качествѣ вводной въ исторію знаменнаго распѣва — главу о пѣніи вселенской церкви имѣло-бы смыслъ въ томъ лишь одномъ случаѣ, еслибы знаменный распѣвъ авторъ объяснилъ какъ распѣвъ, родившійся изъ греческаго церковнаго пѣнія, если-бы въ знаменномъ распѣвѣ имъ былъ указанъ рядъ признаковъ, сближающихъ его съ греческимъ церковнымъ пѣніемъ до IX в., если-бы онъ, напр., указалъ, въ какихъ греческихъ ладахъ изложено наше осмогласіе знаменнаго распѣва. Этого авторъ не сдѣлалъ. И всѣ хроматическіе и ингармоническіе строи, октахарды, автентическіе и плагальные лады ипо и гиперъ не имѣютъ въ объясненіи автора ни малѣйшаго соприкосновенія съ нашими древне-русскими церковными напѣвами и только вносятъ нежелательную путаницу въ представленіе о послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ ясно не разбирается въ теоріи ладовъ.

Вторая часть занята въ большей части изложеніемъ общихъ историческихъ свѣдѣній: о происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія, распространеніи его на Руси, нотно-богослужебныхъ книгахъ, исторіи текста, киноварныхъ помѣтахъ, хомоніи, проектѣ печатанія знаменныхъ книгъ, введеніи нотно-линейнаго письма и пр.—однимъ словомъ обо всемъ, что обычно входитъ въ курсъ общей исторіи русскаго церковнаго пѣнія, но что совсѣмъ не говоритъ о знаменномъ распѣвѣ, какъ „основѣ пѣнія православной русской церкви.“ Только съ 99 стр. начинается о „внѣшнихъ признакахъ большого знаменнаго распѣва“ — и то въ формѣ курьезнѣйшей попытки осмыслить внутреннее содержаніе распѣва путемъ толкованія различныхъ названій знаменныхъ попѣвокъ; вродѣ, напр. слѣдующаго: — „порой подержить „зыбь“ на верхушкахъ; какъ „мережа“ вынырнетъ съ боковъ и снизу, опустится, ослабнетъ и сдѣлаетъ „повертку“ или „поворотку“ внизъ и вверхъ; какъ „паукъ“ съ тенетомъ покружится на мѣстѣ, сплетается „кудрями“ затѣйливыми, „подрожитъ“, покачаетъ мягко, какъ въ „колыбелькѣ“, малютку—травку и деревья, пошуршитъ, какъ „осока“, сдѣлаетъ подъемець, а въ концѣ, какъ на „одноколыць“ падетъ внизъ, сдѣлаетъ привалочку, присмирѣетъ. Бываетъ, что въ срединѣ „подхватець“ сдѣлаетъ, отдохнетъ, какъ на „перекладкѣ“, потянется, какъ „пастела“; иногда съ силой подымется вверхъ и потрясетъ, покачаетъ, обогнетъ кругомъ, перевьется, разнесется съ большой силой, съ „разносомъ“, сдѣлаетъ „подхватъ“, а затѣмъ спустится въ „долину“, помечетъ маленько, еще подымется, сдѣлаетъ „вознось послѣдній“ и, наконецъ, тихо колеблясь, „опускается внизъ“.

Такія разсужденія о знаменномъ распѣвѣ авторъ считаетъ необходимыми, а о тематизмѣ распѣва, о сліяніи съ текстомъ и музыкальной выразительности мелодическихъ оборотовъ его авторъ намѣренно молчитъ „въ избѣжаніе слишкомъ увеличить размѣръ своего труда!“ Тутъ-же (стр. 103) онъ приводитъ старинную переводную характеристику гласовъ, которую никакими усиліями мысли не свяжешь въ сво-

емъ представленіи съ гласовыми мелодіями нашего знаменнаго распѣва! И вотъ—одинокими и бесполезными остаются въ трудѣ тѣ многія мысли, которыя при большемъ вниманіи къ нимъ и при послѣдовательномъ широкомъ развитіи ихъ, дѣйствительно, могли-бы освѣтить вопросъ о знаменномъ распѣвѣ, какъ „основѣ пѣнія православной русской церкви“.

16 стр. литографированныхъ приложений надо признать совсѣмъ бесполезными и излишними для книги. Съ внѣшней стороны изданіе поражаетъ обиліемъ опечатокъ.

Изданія Товарищескаго Хорового Издательства въ Петроградѣ.

Указатель-Справочникъ.

Пѣснопѣнія божеств. Литургіи.

Азѣвъ, Е. — регентъ, композиторъ и извѣстный хоровой дѣятель въ Петроградѣ.

а) Херувимская пѣснь Кіевскаго распѣва, гл. 8.
Цѣна 35 к.

б) Херувимская пѣснь на „Благообразный Іосифъ“, Болгарскаго распѣва. Цѣна 35 к.

в) Херувимская пѣснь на „Достойно и праведно“
изъ литургіи св. Василія вел., Кіевскаго расп. Цѣна 35 к.

Всѣ три Херувимскія пѣсни написаны просто и доступны для всякаго хора, даже и скромнаго сельскаго, а потому могутъ войти въ постоянное употребленіе за церковной службой. Мелодіи распѣвовъ помѣщены въ верхнемъ голосѣ. Гармонія сплошь четырехголосная; дѣленія голосовъ на нѣсколько партій нѣтъ. Тональность первой — е-moll; второй — G-dur и третьей — F-dur. Херувимскія написаны для смѣшаннаго хора.

Чесноковъ, П. — извѣстный композиторъ и хоровой дирижеръ.

а) Ор. 48, № 3. „Милость мира“. Звучно написанное сочиненіе для смѣш. хора. Доступно среднему по составу хору, имѣющему возможность дѣлать каждый голосъ на двѣ партіи. Въ данномъ сочиненіи нѣтъ дѣленія только альтовъ на двѣ партіи. Сочиненіе средней степени трудности. Тональность B-dur. Цѣна 60 к.

б) Ор. 48, № 4. „Не надѣйся, душе моя“ для смѣш. хора. Причастень. Цѣна 50 к.

Сочиненіе написано на слѣд. текстъ: 1-я часть — „Не надѣйся, душе моя, на тлѣнное богатство и на неправедное собраніе, вся бо сія не вѣси кому оставиши, но возопій: помилуй мя, Христе Боже, недостойнаго.“ 2-я часть — „Не уповай, душе моя, на тѣлесное здравіе и на скоро мимоходящую красоту: видиши бо, яко сильніи и младіи умираютъ, но возопій: помилуй мя, Христе Боже, недостойнаго.“ 3-я часть — „Припади, душе моя, къ Божіей Матери и помолися Той: есть бо скорая помощница кающимся, умолитъ Сына Христа Бога и помилуетъ мя недостойнаго.“ Проникновенный текстъ вдохновилъ композитора и на соответствующую характеру текста музыку: скорбный и просительный миноръ 1-й и 2-й части сочиненія, которыя совершенно одинокы по музыкѣ, въ третьей части со словъ: „есть бо скорая Помощница“ переходитъ въ мажоръ, мажоромъ же (F-dur) и заканчивается сочиненіе, начинающееся въ минорѣ (F-moll). Для исполненія необходимъ большой хоръ, или значительно увеличенный по составу средней хоръ. Дѣленіе на двѣ партіи встрѣчается во всѣхъ голосахъ.

Сочиненіе можетъ быть исполняемо какъ въ храмѣ такъ и въ концертѣ.

Делищевъ, С. — преподаватель пѣнія учебныхъ заведеній г. Архангельска.

„Да возрадуется душа твоя о Господѣ“. Пѣніе при облаченіи архіерея. Для смѣш. хора Цѣна 60 к.

Сочиненіе въ первой своей части — мажоръ, радостнаго, торжественнаго, прославляющаго характера. Во второй же — миноръ, болѣе элегическаго и описательнаго характера. По стилю музыки авторъ ближе всего примыкаетъ къ А. Гречанинову. Сочиненіе звучно, и написано для большаго по составу хора, хотя и не такъ трудно для исполненія. „Пѣніе при облаченіи архіерея“ несомнѣнно будетъ сочувственно принято хоровыми дѣятелями, такъ какъ въ духовно-музыкальной литературѣ почти совершенно нѣтъ, за исключеніемъ развѣ пѣнія при облаченіи архіерея А. Львова, сочиненій для подобнаго момента.

Отъ Редакціи.

1) Редакція не могла отвѣчать на письма по поводу выхода книжки журнала, такъ какъ въ связи съ переживаемымъ моментомъ и условіями текущей жизни и сама не имѣла точныхъ свѣдѣній о времени возможнаго выхода въ свѣтъ журнала.

2) Редакція не можетъ установить и въ дальнѣйшемъ опредѣленный срокъ выхода журнала, но принимаетъ всѣ мѣры къ своевременному выходу книжекъ.

3) Въ слѣдующемъ номерѣ предполагается дать подробныя свѣдѣнія о Всероссийскомъ Съѣздѣ хоровыхъ дѣятелей въ Москвѣ, а также и о текущей музыкально-пѣвческой жизни.

4) Многіе изъ подписавшихся на журналъ прислали годовую плату по цѣнѣ прошлаго года, т. е. 2 руб. 50 коп. Редакція проситъ таковыхъ лицъ дослать остальные 75 коп.

СОДЕРЖАНІЕ.

Преображенскій, А. О дѣятельности А. Ѳ. Львова. — Первая школа. — Владимірскій Ѳ. Ярославская разруха. — Никольскій, А. П. Д. Самаринъ. — И. Т. По кievскимъ хорамъ. — Извѣстія и замѣтки. — Новыя книги и муз. сочиненія — Изданія Товарищескаго Хорового Издательства. — Отъ редакціи. — Объявленія.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОСОБІЯ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ при классномъ изученіи сольфеджіо. ГЛИНСКІЙ, С.

Первая книжка для чтенія нотъ (Сольфеджіо).

Пѣніе въ предѣлахъ первыхъ пяти звуковъ. Примѣры съ текстомъ взяты изъ дѣтскихъ и народныхъ пѣсенъ. Для начальныхъ школъ и домашняго обученія. Учен. Ком. М. Н. П. допущено въ бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній. 4 изд. Врем. цѣна 15 коп.

Вторая книжка для чтенія нотъ (Сольфеджіо).

Пѣніе съ восьмьюми. Пѣніе въ предѣлахъ 8 звуковъ. Изученіе паузъ. 3 изд. Врем. цѣна 15 коп.

Третья книжка для чтенія нотъ (Сольфеджіо).

Изученіе трехдольнаго размѣра. Пѣніе въ предѣлахъ 10 звуковъ. Изученіе нотъ съ точками. 3 изд. Врем. цѣна 15 коп.

Четвертая книжка для чтенія нотъ (Сольфеджіо).

Четырехдольный размѣръ. Пѣніе въ предѣлахъ 15 звуковъ. Знаки измѣненія. Изученіе мажорныхъ гаммъ До, Соль, Фа, Ре, Си-бем. Врем. цѣна 15 коп.

Пятая книжка для чтенія нотъ (Двухголосныя сольфеджіо). Нетрудныя двухголосныя сольфеджіо съ текстомъ—изъ народныхъ пѣсенъ и изъ хоровыхъ вокальныхъ произведеній. Врем. цѣна 15 коп.

*Вся пять книжекъ одобрены худ. сов. Петроградской
Консерваторіи.*

Выписывающіе не менѣе 50 экзempl. пользуются скидкой 10%.

Петроградъ, Енатерининскій кан., 52, кв. 58, П. А. Петрову.

ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА „ХОРОВОЕ и РЕГЕНТСКОЕ ДѢЛО“.

А. Духовно-музыкальныя сочиненія.

1. **Никольскій, А.** Ор. 31. Литургія Св. Іоанна Златоуста для смѣшаннаго хора. Только въ партитурахъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Для выписывающихъ изъ Редакціи журнала—пересылка бесплатно.

Для подписчиковъ журнала—цѣна 1 р. 30 к. Съ пересылкою наложнымъ платежомъ—для всѣхъ дороже на 25 к.

2. **Бортнянскій, Д.** „Богоотець убо Давидъ“. 6-ти гол. концертъ. Парт. 40 к.

3. **Глинскій, С.** Исповѣдайся Господеви. Для смѣшанн. хора. Цѣна парт. 30 к.

4. **Хвалите имя Господне.** Древняго распѣва. Партитура. Цѣна 20 к.

5. **Петровъ-Бояриновъ, П.** Херувимская пѣснь F-dur. Для смѣш. хора. Парт. Цѣна 30 к.

6. **Глинскій, С.** Свѣте тихій. Для смѣш. хора. Партитура. Цѣна 20 к.

7. **Маттисонъ, М.** „Блажени яже избралъ“. Для смѣш. хора. Цѣна 30 к.

В. Руководства и пособія.

1. **Ковинъ, Н.** Управление хоромъ. Практическое руководство для регента. Цѣна 70 к.

2. **Никольскій, А.** Формы рус. церковнаго пѣнія. Вып. I. Разборъ формъ напѣвовъ на „Господи возвахъ“ и запѣвовъ передъ стихирами знаменнаго распѣва. Цѣна 40 к. Вып. II. Разборъ формъ догматиковъ знаменнаго распѣва 1, 2, 3, и 4 гласовъ. Цѣна 30 к.

нет 2-13254

6896

№ 198 31

РНБ

РЖФ

2

1916

1691

№ 1-12

1917-ненум.

ФОНА